ПУТЬ В ЛАС-ВЕГАС : ФЛОП, ТЁРН И РИВЕР

"Есть в жизни человека вещи, которые волей-неволей возвращают его туда, где он должен находиться"

ДИСКЛЕЙМЕР

КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

ДИСКЛЕЙМЕР

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

БЕН ДЖОРДЖ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Бен Джордж

Путь в Лас-Вегас: Флоп, Тёрн и Ривер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72318172
SelfPub; 2025

Аннотация

Бен ведёт спокойную жизнь в пригороде Лос-Анджелеса, и довольствуется тем, что работает аналитиком в букмекерской конторе. У него на первый взгляд всё в порядке: хороший дом, стабильный доход и верный друг Брюс, который не даёт ему скучать.

Однако в прошлом Бена, осталось много тайн, которые он скрывает от окружающих. Усугубляет его ситуацию и то, что он и сам живёт в неведении и страхе. Он хочет получить ответы на многие вопросы, но скован обстоятельствами и любой шаг в этом направлении, может стать для него фатальным. Поэтому Бен просто прожигает жизнь, и не решается пойти на риск, чтобы встретиться лицом к лицу со своими призраками, до тех пор, пока они сами за ним не приходят.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 29
Глава третья 47
Глава четвертая 93
Конец ознакомительного фрагмента. 115

Бен Джордж
Путь в Лас-Вегас: Флоп, Тёрн и Ривер

Есть в жизни человека вещи, которые волей-неволей возвращают его туда, где он должен находиться.

Это могут быть забытые перчатки в кармане куртки, которая висит в том месте, где он забыл выключить свет, или же старые привычки, которые всплывают спустя много лет в новой компании, но возвращают к прошлой жизни; что угодно.

Глава первая

Рик открыл массивную дверь и как подобает хорошему подчинённому, осторожно зашёл в роскошный кабинет, показывая всем своим видом уважение начальнику. «Снова не в духе, впрочем как и всегда» – про себя подумал он.

– Можно? – спросил Рик.

Босс бросил на него строгий бандитский взгляд, вызвав даже у такого бывалого в криминальных кругах человека как Рик, растерянность.

– Да, заходи, – ответил босс, сидя за столом. Его лицо выражало глубокую задумчивость и отрешённость. Настроение у него и впрямь было хмурое.

– Мы полагаем это был он.

– Кто чёрт побери? Хватит говорить загадками, – недовольно фыркнул босс.

Голос Рика потерял последние нотки уверенности: – Ваш парень босс, Бен.

– Да? – заметно ободрившись, переспросил босс.

– Ваши люди в Москве засекли его. Звонок был из Лос-Анджелеса и длился двадцать минут.

– Да, несомненно это был он, – почесав подбородок, сказал босс. Его взгляд оживился. – Отправляйтесь в Лос-Анджелес, немедленно! Возьмите с собой Тима. Не торопитесь если что-то пойдёт не так, но и не упустите его. Будьте ак-

куратны.

Почувствовав одобрение и получив наставления, Рик тут же осмелел, и теперь уверенно сказал:

– Сделаю босс.

– И ещё… – добавил босс, задумчиво поморщился и с подозрением, глядя на Рика произнёс, – произведите на него приятное впечатление.

– Вас понял босс, несомненно так и будет.

«Заходя в давно забытое мною казино, я увидел, что всё изменилось до неузнаваемости. На моих глазах, вечный неудачник «Рыжий Ирландец» Ронни, выиграл в рулетку пол миллиона баксов, а все люди казались счастливыми, будто бы в казино проигравших нынче нет, и это ещё не всё, я чувствовал, что меня ждёт потрясение, которое перенести будет тяжело».

Начиная рассказ с этих слов, я даю вам понять, что в жизни моего героя произошли большие изменения. И всё же начнем с самого утра, того незабываемого дня.

Он проснулся субботним утром в своём уютном доме, на часах было почти семь. Так как в тот день он не работал и делать особо было нечего, ему захотелось полежать ещё часик. В доме стояла такая приятная прохлада, перемешанная с едва заметной сыростью, что поразительно контрастировало с жаркой погодой за окном. Конечно, по старой привычке, заснуть ему не удалось.

Щёлкая различные каналы, и не найдя ничего содержа-

тельного, он остановился на шоу «магазин на диване» – в конце концов телевидение не самый плохой друг, считал он. Вообще, с появлением интернета, у людей, особенно молодых, стало модным говорить, что они не смотрят телевизор, но наш парень к ним не относился, он не брезговал включить канал другой и тупо посмеяться над идиотскими шутками телеведущих, которые облизали все продюсерские задницы ради места в банальных ток шоу, и тем не менее иногда привносили долю позитива, хотя бы с экрана.

Да в общем ладно с этим телевизором. Потом он встал, пошёл на кухню и заварил себе зелёный чай. Раньше он любил выпить на утро свежевыжатого сока с небольшой дозой рома, но теперь, алкоголь он употреблял исключительно под вечер. Он также любил утром поливать цветы – лаванды и нарциссы, попивая любимый напиток, но все растения он отдал своему другу на время, чтобы слегка освободиться от обязанностей.

Вообще распорядок дня моего героя ничем не отличается от распорядка дня человека, уставшего от насыщенной жизни. Он сел за стол и начал тихонько есть хлопья с тёплым молоком, которые кушал каждым утром уже на протяжении тридцати лет. Он обожал хлопья со вкусом меда в виде маленьких колечек, ну и конечно же шоколадные шарики – классика.

Когда он начал пить чай, раздался звонок, и так как в последнее время ему звонил только один человек, он не сомне-

вался, что это тревожит мистер Джоунс.

– Алло! Кто это!? – взбудоражено спрашивает он, в надежде услышать хоть кого-то кроме Джоунса.

– Тише, тише, неужели не узнал? Что вообще с тобой!? – весёлым голосом отвечает Джоунс.

Проворчав про себя несколько ругательных слов, следует ответ:

– Как неожиданно, нет бы позвонили и сказали: «Вы выиграли сто миллионов баксов!» или например про жизнь спросили. Чего тебе?

– Ну знаешь, сто миллионов я тебе не подарю, но зато у меня есть два билета на Лейкерс, – и меняя быстрый темп речи на более медленный, продолжает, – кстати, против Буллз играют! Начало в шесть вечера. Как тебе предложение?

– Ладно, всё здорово, во сколько мне надо быть?

– Вижу ты сегодня не в духе…– расстроено заметил Джоунс. – Я же сказал в шесть вечера.

– Бывало и хуже, – шепнул он в ответ. – А сейчас позволь мне спокойно позавтракать, – делая паузу, говорит, – и больше не звони мне, если что, я сам звякну, всё пока-пока, увидимся.

Он бросил трубку, не дав этому болтуну заговорить его ещё на час, а то и более. Ведь Мэгги на работе сто процентов дала повод для утреннего обсуждения в рамках шоу викторины Брюса «угадай, что она сказала». И не подумайте, что это звучало слишком грубо из уст нашего парня, такая уж у

него манера общения с этим товарищем, и на это Джоунс никогда не обижался. И раз уж первой персоной того дня стал мистер Джоунс, я расскажу вам о нём поподробнее.

Мистер Брюс Джоунс, по кличке «Рот» – так его прозвали коллеги по работе, потому что этот неутомимый человек, никогда не молчит. Брюс готов обсудить любые темы с любым собеседником, без какого-либо смущения, даже несмотря на некоторые пробелы в своем кругозоре. Мистер Джоунс, как говорится: «в каждой бочке затычка», всюду свой нос и слово сунет. Ничего уж с такими людьми не поделаешь. Это может раздражать, бесить, но глупо отрицать тот факт, что подобные люди иногда оказываются очень полезными источниками информации.

Сидишь себе например, ломаешь голову над жизненно важным вопросом, а тут выходит Брюс из туалета после прочтения хорошенько изученной газеты, и выдает тебе то, что ты и хотел слышать. И совершенно необязательно эта информация будет из газеты, просто позавтракав в закусочной его дядюшки Тревора, он мог узнать немало подробностей из насыщенной проблемами жизни официантки Ракель, воспитывающей кстати четверо детей на пару с мужем алкашом – не Тревором, если что. В общем Брюса хлебом не корми, советы раздает направо и налево, где-то по делу, где-то нет. Хотя капни чуть глубже, и выяснишь что любой совет хотя бы в далекой перспективе, да пригодится.

По профессии Брюс экономист, и сейчас работает в бук-

мекерской конторе. Брюс – афроамериканец, немного толстоват, безнадёжно лысый, но многообещающе обаятельный. У него ленивая походка и неаккуратные телодвижения, он пытается скрывать проблемы со зрением, но в последнее время на работе ему приходится носить очки, и по этому поводу он уже не сильно комплексует. Однако есть качество, которым он обладает, и оно пожалуй самое ценное для хорошего товарища – Джоунс всегда отзовётся на помощь, даже если будет на другом конце света, он всё равно поможет.

Брюс как нескончаемый поток энергии, который не всегда сосредоточен на чем-то одном, но способный включиться в решение любых вопросов сразу нескольких людей. Так что, можно сколько угодно заикаться о том, что Брюс своей болтовней даже Будду из шкуры заставит выпрыгнуть от бешенства, но ведь именно Джоунс будет первым, кого ты будешь звать на помощь в случае чего.

После разговора с Брюсом, Бен быстро допил чай, подошёл к раковине, чтобы помыть посуду:

– Все вокруг твердят: «Температурные рекорды! Жара! Невыносимо душно и так далее». Я вот что скажу, – Вы что нахрен, издеваетесь!? – у него была настолько недоумевающая гримаса, что а ж левая сторона лица, ушла вместе с глазом куда-то явно выше правой.

После чего он с ухмылкой добавил: – У меня мурашки от холода идут! Видимо это от того, что мой разогревочный градус начинается с плюс сорока, – и засмеялся громким

«ха-ха-ха». Вообще он всегда любил себя подбодрить намёками на его уникальную совместимость с алкогольными напитками.

Чуть позже он зашёл в комнату, открыл дверцу большого шкафа и достал чёрный костюм с белой рубашкой, без галстука разумеется. Предложение Брюса незаметно подняло ему настроение, видимо этим объяснялся такой выбор одежды на день. Всё только начиналось, и надо было придумывать занятия до матча, то есть почти до вечера.

Были люди, к которым он давно не заходил, и что чёрт возьми мешало ему сделать это именно сегодня, думал он. Но для таких визитов ему всегда нужен был серьезный настрой.

– Это не так сложно, соберись на обед к Хьюзам. Чего тебе стоит? Ты же всё равно до последнего будешь думать об этом, – настраивал себя он.

И если говорить о людях, которых он навещал очень редко, то ими безусловно были Чак и его семья. Чак Хьюз – он же родной брат бывшей жены нашего героя.

Да, именно дом этого примерного семьянина является первым пунктом неутомимого блудника. Они не были лучшими друзьями, да и так получилось, что Хьюз частенько вставлял палки в его колеса, а точнее в дела его семьи. Но раз в полгода можно было и с ним пообщаться.

Если кто-нибудь назовёт Чака «хорошим семьянином», то не далеко уйдёт от правды. У него двое детей, старший сын

Питер, а младшего зовут Руди. С женой Кэти, Чак жил уже более пятнадцати лет. Все праздники и выходные, Хьюз проводил со своей семьёй. Он не мотался по барам пить пиво с друзьями, и не ходил в казино, Чак просто сидел дома и смотрел телевизор, пока его дети не вытаскивали на улицу для барбекю или чего там ещё.

Бен был не слишком осведомлён подробностями семейной жизни Хьюзов. И хоть плати ему за это деньги, наш парень всё равно бы увиливал от этой работы, ибо копаться в чужом белье он с ранних лет считал уделом низкой морали, морали для неполноценных людей, людей без внутреннего мира. И если бы существовал конкурс самых нелюбопытных людей, то Бен, ежегодно и даже еженедельно одерживал бы у всех победы с огромным запасом.

И вот уже порог дома семейства Хьюзов, «тук-тук» и:

– Дядя Бен! – воскликнул сын Чака, Руди, когда открыл дверь.

– Здравствуй Руди, как жизнь парень? – делает паузу и говорит: – Твой отец сегодня в хорошем настроении?

– Ну как сказать…, – только Руди затруднился что-либо ответить, как раздался слегка нелепый ор.

Вы когда-нибудь видели почти непьющего ирландца с мормонскими наклонностями, стилем жизни святоши Фландерса из «Симпсонов», который выражался как пират? Если нет, то милости просим – Чак Хьюз, к вашему вниманию.

– Тысяча чертей! Какие люди!? Это Бен к нам пожало-

вал! – прибегает Чак и почти кричит: – Заходи дружище!

– Да, конечно, – Бен с неловким видом переступает через порог. – Что мне нравится Чаки, что если уж и приходишь к тебе в гости, то приём будет тёплым! – конечно он лукавил, но приём и правда был в этот раз громче чем обычно.

– Руди, скажи своей матери кто пришел, – и тут же бросая восхищённый взгляд на Бена, говорит ему, – приёмы тёплые видимо оттого, что редко заходишь. Но выглядишь хорошо, – и похлопывает его по плечу.

Как вы уже поняли, нашего героя зовут Бен, но о нём чуть позже. А пока он сидел в гостях и поминал времена былые и настоящие. За столом у них был салат, курица, фрукты, в напитках числился сок, виски, и пиво, которое Хьюз так любил, и предлагал Бену, однако разумный человек, коим Бен иногда являлся, отказался, ибо был за рулем.

Стоп, не буду вам врать, это не вся правда о его отказе от алкогольной субстанции. На самом деле Бен мог обойти любые запреты будь он расположен к компании, но не в случае Чака. Будучи человеком, который предавал пусть и негласные, но всё-таки сакральные значения ритуалам распития алкоголя, Бен не любил выпивать с людьми, которые доставляли ему дискомфорт и вызывали откровенное ощущение недоверия.

Чак, особенно в присутствии Бена, вёл себя как доминирующая сила в доме, вожак, авторитет и гроза всех жен и детей. Но это было только шоу, которое длилось так долго,

что все кроме самого Хьюза теряли к нему интерес. На самом деле, всем в этой семье заправляла красотка Кэти – до сих пор сложно в это поверить, но жена Чака. Изумительная женщина с привлекательными едва заметными веснушками на щёчках, и невероятно сексуальным голосом.

Разговор за столом проходил неспеша, временами и вовсе уныло, хотя понять Бена можно, человек, который отказывал себе во многом, что не раз его спасало, мог наверное себе позволить занудную беседу в окружении не самых близких ему по духу людей. И уж не подумайте, что такими убогими были Чак и его семья, просто Бен был совсем другой по натуре личностью. Однако точки соприкосновения, или же общие интересы у них все-таки имелись.

– Эх, Чаки! А я бы выпил с тобой пивка, да и футбол посмотрел, но знаешь, сегодня один из тех дней, когда я выбираюсь на прогулку.

– Да брось Бен, чего тебе стоит баночку выпить а? Неужели за штраф боишься? – и смеётся.

– Ну знаешь, я их столько повидал, что лишний увиденный штраф для меня, это как курение – вроде бы надоело, а избавиться от сигарет всё равно не можешь, – думает про себя что говорит чушь, и продолжает мысль, – да и не в этой чертовой бумажке дело, говоря о большой прогулке, я имел в виду то, что друзья меня на игру Лейкерс пригласили и даже билеты купили.

– У тебя новые друзья появились? – саркастически заме-

чает Чак.

– Ну как друзья, знакомые по работе. Да, что-то вроде этого, – с потерянным взглядом отвечает Бен.

– Ну если это Джоунс, то так бы и сказал.

– От тебя ничего не скроешь, любопытный ты говнюк, – констатировал в ответ Бен.

Он не боялся обидеть Хьюза, в основном по двум причинам: во-первых, ему было наплевать, их отношения никогда не были хоть сколько-нибудь тёплыми, поэтому портить там особо было нечего, а во-вторых – правда была за Беном.

Чак был противным засранцем, который не упускал возможности подчеркнуть своё превосходство хоть в чём-то, что бывало так редко, но больше всего в нём бесило то, что он часто пытается поставить собеседника в неудобное положение. Но в этот раз, видимо ему стало неловко, что само по себе удивительно, и он решил сгладить беседу, чем мог ещё больше взбесить Бена, но к счастью, его шутка оказалась к месту.

– Да брось Бена, не бери в голову мои вопросы, Брюса можно и за троих посчитать.

– Вот тут-то и оно, – бодро оценил замечание Бен, чем вызвал общий громкий мужской смех за столом.

Посмотрев друг на друга, и как следует отсмеявшись, мужики сделали паузу в разговоре. В это время к диалогу подключилась Кэти. Поставив сладкое на стол, она спросила:

– Как справляешься Бен?

– В смысле? С чем именно? – он понял, что она имела в виду, но подобные вопросы, намекающие на его одиночество, всегда рефлекторно вынуждали его отвечать немного резко, вопросом на вопрос.

На самом деле Кэти и мысли не имела зацепить Бена, ей хватало забот, уж поверьте, она была хорошенькой. Хотя с другой стороны, всех интересует только одно – кто с кем спит. Видимо задавать неудобные вопросы – это их семейное.

– Ну чем в свободное время занят, чем живешь в общем? – объяснилась она.

– Да особо ничем дорогая, – Чак слегка напрягся в этот момент, а Бен продолжил, – знаешь, бывает сижу весь день дома, или наоборот ухожу куда-нибудь отвлечься, жизнь, видишь ли, ключом не бьет как прежде. Я в порядке.

– Ты ещё молод Бен, рано тебе себя консервировать. Личная жизнь должна быть у всех.

Бен в ответ ухмыльнулся, и мысленно с ней согласился, но довольный вид Чака и нотки жалости Кэти, буквально играли на его гордости.

– А кто сказал, что у меня её нет? Я просто не отношусь так к этому как все.

– А как к этому ещё можно относиться? – настойчиво, но в очень любезной манере продолжала диалог Кэти.

Даже Чаку уже стало не по себе, он кажется собирался объявить тайм-аут, но Бен взялся отвечать:

– Дорогуша, ты знаешь, у меня не было и нет «личной жизни», у меня есть просто жизнь, одна такая, – Бен показывает руками, – большая жизнь, и в неё входят все ингредиенты о которых ты говоришь.

– То есть ты хочешь сказать, что например работу и отношения с женщиной ты в своём мире не разделяешь? – уточнила Кэти.

– Милая Кэти, я лишь хочу сказать, что вся моя жизнь, и в том числе включая то, что ты сейчас назвала, это и есть моя личная жизнь.

И это была правда, Бен не пытался выпендриваться перед Кэти и остальными, он не старался выделяться, быть оригинальным, нет – ничего подобного. Зато Кэти прилично смутилась. Ей наверно подумалось, что не стоило так усердно любопытствовать. За что видимо она и извинилась перед Беном.

Однако не только данные допросы супругов семейства Хьюз вызывали у Бена желание не терять самоконтроль. Он всё время поглядывал на Руди, и задавался вопросом: «Какого чёрта этот парень так разжирел с их последней встречи!?». Бен так и смотрел на заметно набравшего лишний вес паренька, но так и не решился дать Чаку дельный совет или хотя бы намёк насчёт того, что детям хотя бы изредка, а желательно регулярно нужен спорт.

Бен сам бы не стерпел постороннего вмешательства в дела воспитания собственного чада, и решил, что поступит, сле-

дуя своей морали. Будь на его месте Брюс Джоунс, который сам был влюблён во все пироги и бургеры на свете, то Чак бы услышал такую тираду о пользе плавания, баскетбола и карате на детский организм, что уже сам Хьюз бы нанял тренеров по всем видам спорта. К слову, сам Брюс Джоунс ни тем, ни другим, ни третьим, не занимался, только конечно если речь не идёт о ставках.

Беседа продолжалась ещё минут десять, они успели здорово подкрепиться, и даже Бен поел очень нескромно. Вообще он всегда в гостях не переусердствовал с угощениями, но в этот раз смог основательно заправиться. Кэти задала пару вопросов про Джоунса, Чак выделил слова поддержки, которые на самом деле нужны были ему не меньше, и Бен заметил:

– Спасибо за столь вкусный обед, был рад вас видеть, но мне надо ехать дальше.

Не дожидаясь ответной реакции, Бен тут же встал из-за стола, и положив свою ладонь на живот, заметил:

– Чёрт, я еле поднялся со стула.

Эта фраза вызвала у всех сдержанный смех, после чего Кэти и Чак стали говорить всякие любезности.

– Знаете, я всегда с неохотой покидаю места приятных бесед, – конечно же Бен приукрасил действительность, но это были не более чем безобидные нотки взаимной вежливости и благодарности за угощения и приём.

Обменявшись добрыми пожеланиями, Бен, перед тем как

уйти, сказал:

– Давай Чаки, береги семью, ты красавец.

Они обнялись, после чего он сел в машину, включил диск со своей любимой подборкой песен и уехал по пути ведущему на стадион.

Теперь у нас представляется возможность узнать, чем же Бен всё-таки занимается, где живёт, как выглядит и так далее. Внешне Бен не подходит не под одну типовую характеристику: волосы цветом ближе к тёмно-русым, но с такими явными светлыми оттенками в районе висков, то ли от того что в детстве был светлее, то ли из-за добротных сеансов под солнцем; рост средний, телосложение крепкое спортивное, небрежная стрижка, а скорее полное её отсутствие, нос с горбинкой, пару едва заметных шрамов на лбу и подбородке, средней густоты брови и маленькие зелёные глаза, в которых местами читался волчий взгляд. Лёгкая усталость и помятость на лице, проявляющаяся обрюзглость щёк, и такая уже устаканившаяся щетина, которая заметна даже когда хорошо побреешься. Возможно, единственная характеристика описания его внешности, которая приходит на ум – это хамелеон.

Бен с годами постоянно менялся и даже в течении дня, мог выглядеть как несколько разных людей. Непонятно как, его взгляд и мимика, обладали свойством находить многообразные очертания, будь то актер, играющий несколько ролей в один день. Определенно он был харизматичен и загадочен,

вероятно, многие даже назвали бы его артистичным, и наверное всё это тоже правда. Но он сам уже давно не пытался строить из себя красавца или героя детективного сериала, который не сразу раскрывает свою личность, просто жизнь оставила немало отпечатков, отражавшихся в его образе.

Лет двадцать назад, Бен был бы счастлив, узнав о том, что будет жить в пригороде Лос-Анджелеса, работать аналитиком в букмекерской конторе, которая принимает ставки на скачки, к тому же, при таком свободном графике, глагол «работать» по определению должен быть в кавычках. Когда-то давно он мечтал о таком, потому что не мог найти себя, потому что был чертовски ленив, и немного талантлив.

Помимо скачек, он как правило дистанционно консультирует игроков и букмекерские конторы, занимающиеся ставками на спортивные события, что зачастую приносит гораздо больше денег, чем его официальный доход. Он почти пришёл к тому, с чего начинал, ведь всю его жизнь, любовь к спорту не покидала его, страсть к спортивным играм, держала его на плаву в самых критичных ситуациях.

Да, он не стал спортсменом как хотел, но теперь он один из лучших специалистов аналитиков по ставкам. Бен понимает игру примерно так, как калькулятор считает числа, он разбирает матчи как учитель языка на предложения и слоги, выделяет там ударения и запятые, он знает мотивацию действий любого игрока и предоставляет сразу несколько вариантов событий, аргументировано и четко. Бен мог бы стать

классным игроком в любом командном виде спорта, но помешали постоянные травмы, он мог бы стать тренером, но побоялся потратить свои нервы. В общем, он поберёг себя, и в итоге трудится лишь в конторе, хотя мог бы прославиться на весь мир.

Сейчас, наличие работы, которая не напрягает и приносит неплохой доход, Бен воспринимает как компенсацию за всё то, что ему пришлось пройти. Его жизнь сегодня – сплошной мираж, медленное, неспешное времяпровождение, наполненное ностальгией, воспоминаниями, и кучей спортивных матчей, которые он смотрит. Лос-Анджелес никогда не был и не будет его городом, сюда слишком плохо вписывается образ его жизни, но по иронии судьбы, именно тут он осел чтобы практиковаться в размеренности и минимализме жизни. Город Ангелов не подходит для всего этого, здесь слишком много движения, шума и событий, здесь мало места для романтики, но Бен умудряется и всегда умудрялся любую среду подчинить своему ритму.

Будь его воля, он купил бы домик в спокойном местечке, где-нибудь в Вирджинии, или в Скандинавии, где есть красивые пейзажи, горы, озера, снег, такая уютная атмосфера для того чтобы сидеть на крыльце дома и дышать прохладным воздухом, смиренно уставившись на красивые убаюкивающие виды. Правда лишь в том, что в таких местах Бену всегда было скучно, он с удовольствием мог жить там месяц, а то и два, но потом его душа начинала требовать энергии

мегаполиса. Парадокс, в спокойных местах в нём бушевала сила, но как только он приезжал в крупный город, он снова впадал в спячку, в прочем, наверное, он до сих пор в поисках места, где его душе не надо будет придумывать ничего постороннего, чтобы чувствовать себя комфортно.

Песня Роллинг Стоунз «Ventilator Blues» в динамиках машины, и Бен направляется на стадион Стэйплз Центр, за два часа до игры, чтобы спокойно оформить себя и авто в этой окрестности. Этот дзен подход, на протяжении всей его жизни, никто не мог понять, из тех кто был знаком с ним, но таков уж Бен, пока доедет, он успеет прослушать больше песен Rolling Stones, подпеть им, вспомнить кое какие истории из жизни под эту музыку. На самом деле, рассказ о его жизни можно было бы спокойно написать по текстам песен Мика Джаггера и Кита Ричардса – это было бы конечно гораздо короче, но смысл передать можно точно не хуже.

Бен любил их песни за приземленность и язвительность текстов – никакой вымышленной чепухи. Стоунз бросали вызов общественности, политикам и девушкам, но не как агрессивные панки, а как интеллигентные хулиганы, очень остро и провокационно, подмечая все нюансы. Вот например слова из песни «It's Only Rock'n'Roll» с альбома с одноименным названием 1974 года:

If I could stick my pen in my heart
And spill it all over the stage
Would it satisfy ya, would it slide on by ya…

А? Ну кто ещё мог так подметить жестокость неразделенных чувств – не романтично и слащаво как Beatles и не так громко как Led Zeppelin, хотя Zeppelin Бен уважал, но уже не за лирику, а за тот драйв что давала гитара Джимми Пейджа и голос Роберта Планта. Но именно Мик и Кит писали тексты так пронзительно, что доходило до самых затаенных местечек души. Да, их музыка тоже была на высоте, но именно слова заставляли визжать на их концертах не только девочек, но даже в большей степени и мальчиков. Сам Джаггер не был выдающимся вокалистом, по мнению Бена, но его интонации, всегда разные, красноречивей самых талантливых голосов, доставляли смысл слов до слушателей. В песне он мог быть романтичным, дерзким, пафосным, заносчивым…, да вообще кем угодно. В нём можно было узнать того самого парня из песни «Sympathy for the Devil».

Бен тонко чувствовал о чём они пели, потому что ощущал похожие эмоции. Все эти крики души, отчаяние и насмешки над легкомысленными девушками – через все это он проходил. Не стесняясь собственной слабости, он говорил, что Роллинг Стоунз по-настоящему могут любить только душевнобольные люди, и в чём-то он был прав.

К душевнобольным, как и к невротикам и шизофреникам, он относил большинство людей, и себя конечно же в том числе, и не считал это каким-то отклонением. То что встречается почти так же часто как и то, что принято считать нормой, уже нельзя полноценно считать отклонением,

объяснял Бен, как плоскостопие, которое раньше позволяло молодым людям избегать военной службы, а потом оно стало таким частым явлением на осмотрах, что на медкомиссиях его определяли у семидесяти процентов призывников. И какое же это теперь отклонение? Естественно медикам пришлось проявить некую гибкость в сторону призыва, и большинство уповающих на сей «недуг» отправлялись на службу, если не имели более весомых контраргументов против выполнения армейского долга. Но об этом позже, не о плоскостопии разумеется, а об отклонениях. Да, отбросим их пока в сторону.

– К чёрту, – произносит тихо Бен, сидя в машине, припарковав её на стоянке. – Выпью банку пива, съем хот дог, успокою нервы, – думает про себя.

Такие мысли всегда накатывали, когда он пытался занять себя перед каким-то мероприятием. Он не выпил пиво с Чаком, потому что надо было ещё проделать путь на авто до стадиона, но теперь он на месте, и всё спокойно, можно позволить себе расслабиться. Посмотрев на себя в зеркало, и настроив нужную гримасу, Бен вышел из машины в поисках еды и пива.

Он относился к тому типу людей, которые уже давно не получают былых наслаждений от выпивки, табака или чего-то потяжелее, так как со временем, он стал сам воплощением всех этих дел. Он выглядел как тёмный ром тридцатилетней выдержки, и даже действовал на людей подобным

образом. Его ленивая манера общения и изложения мыслей, оказывала на других седативное воздействие. Никто не знал чего от него ждать, будет ли он энергичен или вялым и неспособным действовать. Такая алкогольная реакция не могла поддерживать других людей постоянно рядом с ним, да и он сам этого не хотел.

Многие по ошибке думали, что он пьёт не просыхая, и даже будь он тридцать дней подряд трезв, манеры говорили за него обратное. Эти манеры, которые уже так легко не выкинешь из своего арсенала коммуникаций. И открывая очередную банку пива, в голове у него была только одна мысль: «На кой чёрт я это делаю» – и это даже не вопрос, а пассивная самокритика. Смысла в постоянном курении он никогда не находил, смысла в пиве не видел уже лет пятнадцать, а ром и водка просто не могли доставлять такое удовольствие как прежде. Но правда в том, что ничего другого не остается. Всё очевидно.

Наркотики? О-о-о, несмотря на то что на протяжении всей его жизни, они всегда были где-то рядом, и периодически он прикладывался к ним, однако хоть это и звучит громко, но он видимо не родился для того, чтобы стать наркоманом. Понимаете… это люди, которые ведут особый образ жизни, им должно нравится так жить, они должны страдать и быть зависимы, терпеть навязчивых грязных барыг, не спать ночами в компании убитых отравой людей, где-нибудь в душной неубранной квартире, и тому подобное; иначе, в

этом нет смысла, иначе никто бы не сидел на наркоте, как бы цинично это не звучало. Такова уж суть наркомании – это жалкая участь, которая Бена не могла привлекать. Он не был таким. Забавно, но иногда он хотел быть таким, отвязным торчком, который мог смело банчить, крутить сделки и всё такое, но он не умел торчать, и никогда не ловил кайф от всего этого. Бывали периоды, когда он хотел участвовать в этих шальных и опасных безобразиях, но очень быстро понимал, что просто не родился для этого. Он всегда тусовался с такими парнями, но был как бы в стороне. А кто любит быть в стороне? По крайней мере не Бен. Ведь эти парни получали всё внимание, и в том числе внимание девчонок. Они казались важными людьми, хотя на самом деле были всего лишь зависимыми, испуганными человечками, пытающимися как-то самоутвердиться. В конце концов, почти все они либо умерли, либо побывали в тюрьме, и присоединиться к их компании, у Бена не вышло. Возможно, он до сих пор не осознал, какой счастливчик. Хотя обо всём этом, он бы мог многое рассказать, и далее вы узнаете почему.

Бен добыл себе того, чего искал, заодно перекинувшись парой фраз с милой девушкой на кассе. Вообще он от природы был кокетлив, и с женским полом всегда был ленив в каких-то действиях, потому что знал, что его улыбки хватит для того, чтоб хотя бы вызвать ответную улыбку. Именно это и напрягло сегодня Чака, когда Бен заигрывал с Кэтти. Чакки был из тех угрюмых мужиков, которые добивались симпатии

у кого-либо своей настойчивостью и грубостью. А Бен на самом деле редко с кем-то заигрывал, он без всяких стараний вызывает такую реакцию у противоположного пола, что тут поделаешь – это химия, харизма, или как угодно называйте. Наоборот, заигрывать он никогда и не умел, он не был соблазнителем, не умел подкатывать к девушкам и делать комплименты, и уж точно никогда не кадрил чужих жен. Зачем это всё? Он знал, что нравился им, и считал что этого вполне достаточно. Он был даже чересчур морален, особенно в связях с женщинами, с друзьями и в отношении семейных пар.

Присев на скамейку, Бен приступил к потреблению пива и аппетитной еды, наблюдая за суматошным движением Лос-Анджелеса. Он постоянно о чём-то думал, в этом была вся проблема, его сознание забивали мысли, о прошлом, о будущем, о настоящем, с годами мечты сменили планы, добавьте сюда муки совести, и вот ответ, почему он всю свою жизнь был лишён хорошего сна. Но сейчас был тот самый редкий случай, когда даже его рассудок ничего не выражал, он просто ел и пил – более пустого и ничего не выражающего лица, которое было на нем в тот момент, не придумаешь.

Был солнечный денёк, отличная погода, чёрт возьми – хорошо! Он страстно поддерживал Лейкерс, и своего героя Коби Брайанта. Бен вообще много знает об истории баскетбола. Майкл Джордан, Аллен Айверсон, Мэджик Джонсон – все эти, и другие легенды НБА, очень хорошо знакомы ему, но предпочтение он отдавал всё-таки Коби, так как считал

его героем одиночкой. Каждый матч Брайант превращал в зрелище с непредсказуемой концовкой, и это больше всего нравилось Бену. Его восхищало в спортсменах умение совершить камбэк и поставить победную точку, и Брайант был безусловно тем, кто это умел. Коби считался многими болельщиками лучшим игроком пост-джордановской эпохи, хотя и тех, кто с этим спорил, тоже хватало. В общем, как всегда, люди обычно делятся на три лагеря: кто за, кто против и кому фиолетово – в цвет гостевой формы Лос-Анджелес Лейкерс.

Докушав хот-дог, Бен решил вернуться в машину, послушать песни, короче перенести свое безделье под крышу. Пиво выдохлось уже до того, как он добрался до половины бутылки. Он выкинул его в мусорку и направился к своему Доджу. Подходя к двери водителя своего авто, его останавливает крик: «Бен!» – он обернулся, и в этот момент, в него прилетел дротик со снотворным. Теперь он очнётся в машине, но уже не своей.

Глава вторая

Парни, которые схватили Бена, работали в казино и выполняли разные поручения своего босса. За рулем сидел Тим, справа от него Крис, ну а сзади, их авторитет – Рик, именно он выстрелил в Бена. Все выглядели очень типично для засранцев: небрежные усы и кривые бородки, дурацкие рубашки, и такой лёгкий налет кретинизма на лицах. Хотя Рик был парень не промах, знал самых отвязных воротил и полицейских в штате Невада, много лет он был поручителем под залог, до тех пор, пока его не позвали в команду крупного казино Лас-Вегаса.

В Шевроле Каприс синего цвета, Бен откинулся на заднем сиденье, и как только очнулся, понял, что его руки заперты в наручники, а сам он уже на пути куда-то далеко в сторону от Лос-Анджелеса. «Что-то новенькое» – подумал он. Пользуясь случаем, он решил интеллигентно узнать на какое путешествие его так «любезно» пригласили. Поскольку он догадывался, что этим парням нужен скорее всего живым, а для чего, они ему не скажут, то сразу без колебаний спросил:

– Не знаю кто вы, но что-то вы запоздали.

– Я не понимаю о чём ты, – ответил Рик.

– Да нет, ты у нас в машине дружок, как по часам, – язвительно сказал Крис.

– Да я вас лет десять ждал, – самонадеянно произнёс Бен.

– Мистер Бен, это нормально, ты бредишь от испуга. Советую пока ничего не говорить, чтобы не раздражать моих парней, – объяснил Рик.

Тим молча вел автомобиль, и почти не вмешивался в разговор, разве что недовольно хмыкал после каждой фразы их пленного, который всё же изредка, да что-то спрашивал.

Бен думал: «Странно, неужели это обычные вымогатели денег?»

– Как вы на меня вышли?

– Это было не так уж сложно, твой болтливый друг… – ответил Рик, но не договорив фразу до конца, Бен перебил его и произнёс:

– Джоунс.

– Именно, – спокойно подтвердил Рик, – вот на него выйти было гораздо сложнее. Мы знали, что ты появляешься в букмекерских конторах, но в каких именно, было неизвестно. По непонятным причинам, твоего имени нет в адресных книжках. Тогда нам пришлось звонить всем разговорчивым парням, которые крутились в разных конторах, и может быть эта новость тебя заденет, но о тебе никто не знает.

– А почему это должно меня задевать? – довольно резким тоном огрызается Бен.

– Мы думали, что ты о себе нескромного мнения, – сидя за рулем, впервые вступил в разговор Тим.

– С чего такие ожидания? – с хмурой гримасой критично парировал Бен.

– Спокойно Тим, уважь гостя, не будем заводиться по пустякам, –

вступился Рик.

Тим в ответ фыркнул ещё слышнее прежнего, и кажется что-то про себя пробормотал, мол что ему не по душе такая возня, и поездки на пол суток.

Делая вид, что не обратил никакого внимания на тон Бена, и выпады Тима, Рик продолжил:

– Так вот мистер Бен, после бесед с десятками болтунов, нам дали номер Джоунса, а Джоунс моментально сказал где тебя найти.

– Неудивительно, он не дальновидный парень, – про себя подумал Бен.

– Тебе виднее, хотя он всё-таки чего-то заподозрил и не дал твоего адреса, сказал что вы идёте на игру и предложил нам всем вместе встретиться на арене перед матчем. По иронии судьбы ты видимо решил приехать на стадион пораньше, мы тоже не стали задерживаться, – сказал Крис, и засмеялись все, кроме Бена.

– Я начинаю думать, что Джоунс меня сдал, успокойте меня.

– Нет, он и понятия не имел, мы сказали ему что хотим сделать ставку и слышали о твоих талантах, поэтому он сказал, что может нас познакомить, но ничего конкретного обещать не может, но а нам как ты понимаешь этого и не нужно было, – ответил Рик, достал пачку сигарет из кармана ру-

башки и закурил.

– А-а-а… ну тогда можно сказать, что Джоунс позаботился обо мне, – подметил Бен, и теперь уже засмеялись все в машине. – Но как вы поняли, что это я? По фотографии?

– Нет, Брюс дал нам твой мобильник, мы звонили, но ты его отключил, кстати, как не культурно, – покачал головой Рик. – Мы перезвонили ему, объяснили, что не можем до тебя дозвониться и нам срочно нужны твои букмекерские услуги, и спросили где можем тебя найти. Адрес дома и даже твою тачку он не выдал, но сказал, что ты едешь на стадион и он передаст тебе наше сообщение, как только присоединится к тебе на игре. Мы поехали на арену, всё остальное было делом наблюдения. Шансов тебя сразу найти было немного. Мы хотели подождать, чтобы снова позвонить твоему другу и выйти на тебя через него, но на стоянке я заметил человека, подходящего под твое описание. И, к нашему счастью, им оказался ты. Я подошел к тебе, выкрикнул твоё имя, ты отозвался – бум, и ты уже без сознания. Естественно, я посмотрел твои документы, чтобы убедиться, того ли мужика мы вырубили. Потом Тим подогнал нашу тачку и мы с Крисом, заботливо тебя доставили на борт нашего круиза.

«Всё-таки прокололись мы с тобой Брюс, всё-таки прокололись. Потеряли бдительность» – про себя сказал Бен. Он не держал обиду на Джоунса, так как понимал, что рано или поздно это всё равно бы случилось.

– Ладно, не напрягайся ты, мы едем в Лас-Вегас.

– Отлично, сто лет там не был парни, – произнес с иронией Бен.

– Мы забрали твой телефон, но кстати, к тебе он даже может ещё вернётся…, хотя гарантии не дам, – улыбается. – Думаю тебе стоит расслабиться и приятно провести с нами время, – тон Рика, даже мог показаться весьма дружелюбным, но он просто не строил из себя злобного головореза.

В свою очередь, Бен это сразу заметил и оценил, он уважал профессионализм, ум и спокойствие: – Без проблем, только музыку включите погромче.

Бен чувствовал какой-то подвох в изложенной Риком истории, слишком уж лихо они описали свой план. Откуда им вообще было известно про то, что он букмекер? Старые знакомые? Возможно. Тут явно замешано прошлое. Все эти мысли крутились как стрелки в его голове, и даже громкая музыка не помогала их заглушить, сам мать его Брюс Спрингстин и Литл Ричард не могли этого сделать.

Осознав это, он сменил тактику и попросил убавить чёртов магнитофон, чтобы наоборот погрузиться глубже в себя и найти состояние смирения. Довольно быстро, он достиг точки опоры своего сознания. Бен запретил себе впадать в панику, задавать вопросы типа: «Что вам от меня нужно?» – какой в этом смысл? Рыбку поймали, зачем тратить силы и дёргаться? Он откинул голову назад, закрыл глаза и попытался уснуть, под тихий кантри, играющий в приёмнике.

Самое странное в психологии Бена то, что он всегда реа-

гировал на всё по-разному. Сложно было предсказать как он поведёт себя в той или иной ситуации. Много раз он сохранял такое ледяное хладнокровие, что становилось страшно от того, насколько человеку может быть пофиг в такой лихой переделке, но и не перечесть тех случаев, когда Бен впадал в панику на ровном месте. Скорее всего, стоит наверное говорить о том, что его психика адаптирована к адреналиновым ситуациям, и совершенно бездейственна в бытовых условиях – хотя и это тоже совсем не окончательный вывод.

К сожалению, неопределённость и становилась причиной многих проблем в его жизни. До сих пор сложно сказать: хороший он, плохой или злой? Его можно охарактеризовать столькими человеческими чертами, но ни одна из них не сидит в нём настолько твёрдо, чтобы можно было сделать вывод: да, он вот такой-то человек. Это терзало и его, и тех кто был с ним рядом. Бен всегда говорил, что есть в нём что-то шизофреническое, что он каждый день чувствовал себя немного другим человеком. Вообще он считал, что все люди шизофреники, и объяснял это очень просто.

Человек постоянно играет роль, надевает маски, часто или редко, но так или иначе без этого не обходится почти ни одна личность. Мы везде ведем себя по-разному: на работе, на свидании, дома – наше поведение меняется. Безусловно, кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, но все мы прикидываемся другими персонами. Разве это не шизофрения, хотя бы в начальной стадии? Вопрос лишь в том, на-

сколько она далеко развивается в человеке, и где грань между шизофренией и намеренным лицемерием. Безусловно, зачастую по необходимости, совершенно осознано мы прибегаем к этой актерской игре, чтобы получить выгоду. Но речь сейчас идёт именно о непроизвольном поведении человека в разных ситуациях и компаниях. Порой мы видим себя звездами Голливуда, рок музыкантами, чьими-то любовниками, неудачниками, злодеями и жертвами. Все эти типажи живут в нас – и это нормально. Печально, когда человек перестает это контролировать совсем, и шаг за шагом теряет исходное понимание своей личности, если оно конечно вообще было.

Не пугайтесь, с Беном все более-менее в порядке, просто вот эта теория одна из его любимых, из им же придуманных. Единственное что с его образом монтируется совершенно точно, это то, что он переменчив. Но стоит ли сейчас разбрасываться характеристиками, ведь поступки говорят о человеке больше всего, поэтому история Бена продолжается.

Всем плевать на прошлое, и это всегда раздражало Бена. Он не понимал, как люди могут так быстро забывать все заслуги, и словно заново строить свое отношение к тому или иному человеку или событию. Бен не жил прошлым, но придавал ему огромное значение. Возможно местами, это мешало ему жить настоящим, но он точно не был из тех людей, кто брезговал что-либо вспомнить.

С особенным пренебрежением Бен относился к болельщикам, которые сначала возносили игроков и воспевали по-

беды команд, а потом сбрасывали все это на помойку, будь то ничего и не было, будь то эти игроки не дарили им минуты радости и триумфа. Но в этом состоит свинская жестокая суть как спорта так и жизни. Мало найдётся добрых людей, которые будут любить тебя за былые заслуги. Люди ведут себя как журналисты, которые отработали одного героя, и сразу же нашли нового.

Безусловно, он был согласен с тем, что будь ты спортсменом или мужем, ты должен доказывать своему тренеру или соответственно жене свою состоятельность каждый день. Но он не мог смириться с тем, как жестоко люди обходятся с потерпевшими неудачу героями.

К слову, о браке, здесь Бен всегда находился в неудобной позиции. У женщин память ещё более короткая чем у болельщиков, особенно если муж не появляется несколько дней дома или давно не дарил цветы. Блин, да девушки вообще не хотят что-либо запоминать. Им нужен ты только сейчас и сегодня, и возможно завтра, если сегодня ты сгодишься. И даже не думай, что все твои прошлые подвиги перед ней, каким-то образом спасут отношения, если давно не было новых заслуг. Женщинам нужно постоянное развлечение, и желательно каждый раз новое. И если ты давненько не устраивал шоу для своей малышки, то максимум на что ты можешь рассчитывать в таком случае – это «спасибо тебе милый за всё, но мне нужен новый аниматор».

Учитывая то, что один человек не может быть бесконеч-

ным не исчерпывающим источником женского внимания, всё это обречено на провал, и рано или поздно, она найдёт себе другого, а потом ещё, и ещё. Это не всегда приводит к изменам, бывают действительно верные, в сексуальном смысле, жены и подруги, и их много, но в духовном? Сколько из них будут смотреть на своих мужчин восхищённым взглядом спустя годы? Сколько из них, не будут мечтать о приключениях с красавцем коллегой или случайным соседом по очереди к стоматологу, который любезно уступил место и завёл приятную беседу? Бен считал, что если женщина уже обменивается энергией с другим мужчиной, то если это не измена, то уж точно чёрт побери не идёт на пользу отношениям. Впрочем, правила для всех одинаковы, и мужчин они тоже касаются, поэтому приводя в пример женщин, Бен ни в коем случае не исключал подобного поведения со стороны мужиков – те ещё подонки, можете ему поверить.

У Бена была одна система в отношениях, и она заключалась в полном отсутствии какой-либо системы. При его свободолюбии, и размеренности жизни, сложно было постоянно находиться с женщиной. Правда у него всё же были свои инструменты, которыми он пользовался в отношениях. Он никогда не искал себе девушку на один вечер, ему не был интересен секс с кем попало. Когда другие хвастались ему о своих сексуальных «подвигах», оргиях и пикапе, он только делал вид что был восторге, но на самом деле, с пренебрежением слушал подобные истории и плевался на такое бляд-

ство. Он уважал женщин как людей, и никогда не позволял себе относиться к ним как к резиновым куклам. К сожалению, девушки порой сами превращают себя исключительно в объекты сексуального удовлетворения, и только в это, и ни во что больше. Такой тип женщин его не интересовал, ни в восемнадцать лет, ни в двадцать пять, ни сейчас, ни даже в пьяном или в очень пьяном состоянии.

Сложно сказать откуда взялась его мораль и строгость к отношениям, но ему было плевать на то, что он другой, и на то, что его честность мало кто ценил. Скорее всего он был мишенью для насмешек, но он знал, что сильнее каждого из придурков, пытавшихся ткнуть ему пальцем в свои же преимущества. Он прекрасно обходился без всех этих блядей, которые окружали других пацанов, и так или иначе всегда находил девушек, которые ему нравились. Только выбор у него был не дурной, и это, мягко говоря. Бен влюблялся в самых красивых девчонок, с которыми даже местные мачо не могли справиться. Самое удивительное, что Бен особо ничего не делая, всегда влюблял в себя тех, кого хотел. Он не умел подкатывать и выглядел всегда немного растрёпанным, но цеплял своим неординарным поведением и харизмой. Именно этим он и нравился не только девушкам, но и всем остальным. Вообще с годами, создав себе образ благородного рыцаря, Бен сам того нехотя, притягивал к себе людей больше, чем тогда, когда был шпаной с грубыми манерами.

Бен ценил настоящее… – что это значит? Когда он видел

семейные пары, живущие по расчёту, он смеялся от радости, потому что знал, что никогда не будет в таком положении – «уж лучше один детка», считал он. Тоже самое он думал и о дружбе. Бену повезло, он не испытывал нужды использовать людей, потому что был самодостаточным человеком. С другой стороны, неумение быть сволочью, во многих ситуациях ослабляло его позиции, и не позволяло идти дальше, дальше тех козлов, которые были на его пути.

Он прекрасно знал правила игры, знал эти джунгли, он в своем роде установил уникальное достижение, живя в кругу «акул» и «хищников», он смог не только выжить, но и не стать таким как они, не уподобился им. Он знал, что если сойдет со своей орбиты, то будет наказан высшими силами, и уже не сможет вернуться обратно. Бен ценил те немногие качества, которые в нём осели так крепко, и несмотря ни на что, не расстался с ними. Он весьма ветреная натура, человек настроения, всегда разный, но если человеку дана доброта и честность – столь редкие добродетели в наше время, то глупо от них отказываться. И Бен знал, что потеряв свою мораль, он потеряет почву под ногами.

Сильный человек побеждает с помощью силы добра. Сильный не будет бить, не будет нападать в большинстве, сильный будет драться только тогда, когда ему нужно защищать себя и своих близких, и Бен держался именно этих принципов. Он никогда не срывался на близких в те моменты, когда было действительно паршиво, потому что понимал,

что всё это должен стерпеть сам. А что такое паршиво он знал не понаслышке.

Бен всегда с пониманием относился к людям, которых общество не принимало, или если угодно, ограничивало их волю, права и возможности. Потому что в какой-то мере был с ними в похожих условиях. Он также испытывал внутреннюю и внешнюю борьбу, терзаемый разногласиями своего мировоззрения и общепринятыми порядками социума. Но в отличии от притесняемых меньшинств, объединяться ему было не с кем, и в этом бою он оставался наедине с собой, пока наконец не принял данность бытия вселенной и не согласился с тем, что всё в жизни происходит если не справедливо, то уж точно закономерно.

Если смысл жизни заключается в том, чтобы подняться «наверх», облизав по пути все промежности – то это не к Бену. Ну неужели, думал он, люди так морально не чистоплотны, что готовы терпеть любые унижения ради того, чтобы грести больше денег и набивать свое пузо, а потом хвастаться перед другими, такими же как они лизунами. Все эти понты, про то сколько у них дорогих безделушек, и каких они девушек трахают, как правило удел очень жалких неуверенных в себе типов, которых скорее всего гнобили в школе или в других местах. Такие козлы, которые мнят себя бруталами, общаются с другими на повышенных тонах, меряются мускулами, и унижают девушек, как правило, оказываются плаксивыми тряпками. Псевдомужиков Бен терпеть не мог.

Он немало повидал подобных «недоразумений» и знал чего от них ждать. Он знал, что при малейших неудачах, поражениях и болях, они начинают ныть и плакать. Сложно сказать почему, но так действительно происходило раз за разом.

Бен недолюбливал таких упырей, потому что они своей наглостью добивались больше него, с одной стороны, но в тяжелых ситуациях всегда бежали к нему за помощью. С другой стороны, добиваться грязных денег, и расположения «левых» людей, он никогда не стремился – пусть другие сидят за директорскими столами и корчат из себя Богов. В свою очередь, Бен, стерпевший немало физической и душевной боли, никогда не жаловался на судьбу, жизнь, гороскоп или что-нибудь ещё.

Когда они преспокойно подъехали к Лас-Вегасу, Бену стало не по себе. Его впервые за долгое время подташнивало, но как-то справившись с этим недугом, он не стал просить об остановке, и молча ждал пока его довезут.

Всю дорогу палило огненное солнце, и только ближе к Лас-Вегасу стало слегка свежее, потому что вечерело. От Лос-Анджелеса до Вегаса на машине ехать в среднем часов пять, плюс минус полчаса, если без остановок и приключений. Бен чувствовал себя спокойно, хоть и взмок от жары, но как только они очутились на шоссе Лас-Вегас Фривэй, его охватил мандраж. Все эти новые и видавшие годы казино, негативно сказывались на его психике, но то ли ещё будет, ведь он так и не знал самого главного, и это мучило его го-

раздо больше, чем вид из окна автомобиля.

Наконец они приехали к намеченному месту, Рик, сидевший рядом с Беном, без лишних слов сверкнул как бы нечаянно, но отчетливо, перед ним пистолетом, рассчитывая на полное понимание происходящего со стороны Бена. Они припарковали тачку, вышли и направились к казино.

– Я сниму наручники, но сейчас ты вместе с нами выйдешь, и спокойно зайдёшь в казино. Веди себя естественно, и для своего же блага не сообрази проблем на свою задницу, – сказал Рик.

Бен первым делом ощупал внутренний карман своего слегка пропитанного потом пиджака, но ничего не обнаружил.

– Мы забрали его у тебя, – сказал Рик, строго посмотрев на него.

– Отлично, – с обиженной детской гримасой проворчал Бен.

Бен прекрасно знал это место, именно там он играл в молодости, и был даже знаком с некоторыми завсегдатаями этого игорного заведения. Данное казино пользовалось популярностью у игроков со средним финансовым достатком и большим опытом. Его отличало то, что в нём тусовались ирландцы, работники других казино, и дядьки с окрестностей Вегаса. Туда ходили и пенсионеры и туристы, и даже случалось, что иногда чего-нибудь выигрывали. В общем заведение, было довольно-таки старым, и вышедшим из моды, но

определенную планку они держали, а самое главное, что там умели найти подход к каждому клиенту. Это казино заманивало людей такой «домашней» атмосферой. Здесь как бы каждый чувствовал себя, если ни как дома, то как в гостях у любимой тётушки, с которой ты играешь в разные завлекательные игры, а она тебя ещё и вкусняшками кормит и по головке гладит. Оставляя деньги в этом казино, люди по какой-то причине приходили сюда снова и снова. Ничего особенного скажете вы, так бывает во всех игорных заведениях – возможно, но всё-таки был там какой-то определенно фирменный шарм, и аура такая притягательная, что хотелось туда приходить не столько из-за азартных побуждений, а чтобы впитать эту атмосферу и получить эмоции от общения с полюбившимся дилерами, кассирами и знакомыми посетителями.

При всём при этом, казино было достаточно большим и несмотря на относительную затхлость, его название: «Везучий Лис» – было известно каждому игроману со стажем. На фасаде здания красовался логотип казино, на котором был такой, знаете ли, очень в себе уверенный лис, с немного бешеным и довольным взглядом и мультяшными глазами, в каком-то джинсовом комбинезоне и с пачкой денег, в загребущих лапах. В общем образ такого рубахи парня, работяги с фермерских полей, только что приехавшего в поисках удачи. Что не говори, концепция этого казино зашла определенной категории людей, хотя его лучшие годы были уже давно по-

зади.

Есть несколько категорий людей, посещающих игровые дома, вот, например туристы – самая простая из них. Они идут туда для получения впечатлений, а не за выигрышем. Казалось бы, они не самый лакомый кусок для владельцев казино, так как редко оставляют в нем много денег, но есть два больших плюса – они всегда их оставляют, и их всегда самих много. На туристах город зарабатывает ясное дело больше, чем на так называемых профессионалах.

С пенсионерами всё и так понятно, грустно наблюдать за этим зрелищем, но ничего нового не попишешь. Гениальный Мартин Скорсезе в своём шедевре «Казино» по книге Николаса Пиледжи, выразил данную ситуацию яснее некуда. Для тех кто пропустил фильм мимо своих глаз, можно кратко обмолвиться тем, что раньше казино держала мафия, и туда не совались пенсионеры, студенты и молодые родители, содержащие своих детей на мизерную зарплату или ничтожное пособие. В казино играли «свои» люди – гангстеры, выгодные для связей политики, звёзды кино и музыки, и прочая элита. Но с приходом к власти больших корпораций, в игорных домах всё круто изменилось. Не совсем дословно, цитируя фильм «Казино»: «Лас-Вегас стал похож на Дисней Лэнд, доступный даже детям, для которых всюду есть развлекательные площадки, на тот случай, если их родители решили проиграть свои зарплаты и льготные пособия». Вывод один – корпорациям выгоден любой поток игроков, главное,

чтобы он был.

А вот самый тяжёлый случай, это игроманы – лакомство для всех игровых заведений. Они всегда идут за выигрышем, но почти всегда возвращаются без денег, а то ещё и задолжав. Если вы не понимаете почему они играют, то это хорошо, потому что вы не среди них. Они платят за самое кайфовое что есть в игромании – это надежда на то, что ты выиграешь, а так как надежда не имеет срок годности, размер и память, то игроки раз за разом платят за неё. Неважно что ты проиграл, у тебя есть надежда на то, что ты выиграешь в следующий раз, нужно лишь занести в казино ещё каких-то пятьсот-шестьсот баксов, а потом эти суммы превращаются в долги на тысячи и сотни тысяч долларов. Иногда они отрезвляются и говорят себе: «Погоди-ка, я же блин постоянно ухожу в минус, что-то тут не так, пора завязывать, не нравится мне эта тенденция» – но спустя пару недель, в лучшем случае через месяц на них находит: «Слушай, у меня немного деньжат появилось, пойду-ка я поставлю сотню долларов». И самое страшное, что тогда они выигрывают пятьсот баксов, и вновь думают, что оказались «на коне», а потом снова продувают всё до дыр.

Безусловно, в тяжёлых случаях речь идёт о гораздо больших деньгах, но как правило, среднее количество посетителей казино, играют не на большие суммы, что на самом деле ещё хуже. Лучше один раз засадить миллион и навсегда понять, что в жизни ты можешь сделать нечто большее чем

просирать свои деньги, чем неделю за неделей носить свои гроши в казино, и хранить эту иллюзию о выигрыше. В итоге же, для казино не имеет значения кто ты: турист, пенсионер или игрок – для них и для тебя всё очень просто, либо ты попадаешь под один процент из ста, и становишься «акулой» игровых клубов, либо зачисляешься в девяносто девять процентов людей, которые кормят игорные заведения.

Глава третья

Рик позвонил боссу, назвав его Арнольдом, и сообщил, что Бена уже привезли. Мужики после пяти часов езды утомились, и выйдя из машины все как по команде размяли свои суставы. Бен же пребывал в прострации непонятной ему самому. Он посмотрел ещё раз на это казино, и первый выступил ему навстречу, за ним последовали все остальные. Рик, Тим и Крис не волновались за его поведение, так как понимали с кем имеют дело. Бену не нужно было давать собачьи команды вроде: «пошли», «стоять – сидеть», «за мной – ко мне», «без глупостей» и так далее, так как он лучше них знал как себя вести в этой ситуации.

«Заходя в давно забытое мною казино, я увидел, что всё изменилось до неузнаваемости. На моих глазах, вечный неудачник «Рыжий Ирландец» Ронни, выиграл в рулетку пол миллиона баксов, а все люди казались счастливыми, будто бы в казино проигравших нынче нет, и это ещё не всё, я чувствовал, что меня ждёт потрясение, которое перенести будет тяжело».

Бен, идя по огромному залу, находился в полном шоке от происходящего. Казино показалось ему весьма приличным, но самым невероятным для него стала встреча старого знакомого. Это был Ронни, с которым он в молодости частенько кутил здесь. Они отправлялись в местные бары, чтобы хо-

рошенько проверить себя на крутость в распитии алкоголя. Рон был крепким парнем на это дело, хотя и Бен – не промах, они в общем-то стоили друг друга по данному компоненту. Это вообще-то и взыграло роль в их знакомстве – взаимоуважение и всё такое, хоть они и были из совсем разных слоёв общества.

Но как такое возможно, что спустя десять лет, они оказались вновь, всё на том же месте – фантастика, и Бена это поразило так, что он едва не размяк и чуть слезу не пустил. Ронни правда и не увидел своего старого знакомого, так как его сильно отвлекали другие события, например такие, как выигрыш пятисот тысяч в рулетку, о чем он и проорал на всё казино. А выглядел Рон как и прежде: тощий, морщинистый, и взгляд у него всегда был такой, как будто он думал, что будет жить вечно, то есть какой-то чрезмерно жизнерадостный.

Несмотря на его кличку – «Рыжий», Рон обладал как раз нетипичной для ирландца внешностью. Ничто в его внешности так ярко не говорило о том, что он из Ирландии: волосы тёмные, черты лица грубые, с таким восточным едва уловимым штрихом. Но видимо нетипичность его внешности, и безрассудное поведение как-то повлияло на то, что люди стали его называть «Рыжий Ирландец». Ко всему прочему, стоит упомянуть, что Рон был прекрасным фокусником, а также тамадой и организатором развлекательных мероприятий. Его острый язык и неуёмная энергия обеспечили ему

путёвку в жизнь. Но потом он всё пропил. Однако «везунчик» Рон всегда находил людей, с которыми он быстро поднимался обратно наверх. Чем он занимается сейчас, Бену конечно же было неизвестно, но судя по всему, в тот день, дела у него шли как надо.

Бен стоял в зале вместе с Тимом и Крисом, ожидая когда Рик пригласит их к Арнольду, и спустя примерно десять минут после того как они вошли в казино, раздался радостный вопль человека, который снял куш. Ну что ж, классно, но никак уж Бен не ожидал, что это будет Ронни, который был всегда паршивым игроком, не имеющий ни малейшего понятия о том, как надо играть – никаких навыков. В покере ему вообще ничего не светило, поэтому его стезей, как он думал, была рулетка. Бен кстати всегда пренебрегал ею, и всеми играми, где играет роль лишь удача, но Рон так не считал, он любил этот антураж вокруг стола рулетки, и атмосферу накалённых нервов, наверно оттого, что он постоянно бухал, и ему нужно было куда-то выплескивать этот алкоголь.

Бен издали видел сияющего от счастья Ронни, он навспоминал себе ещё немного мелочей, связанных с его прошлым в данном местечке, только вот подойти к Рону, ему конечно же никто бы не позволил, и он это понимал, не время было для ностальгической встречи – «в другой раз irish».

Когда Рик спустился к ним, вся нервотрёпка снова настигла Бена, и они вместе пошли к боссу.

– Вот уж интересно, может меня наградить хотят, – ска-

зал Бен, чтобы как-то развеять чувство страха и разрядить напряжение. – Ну за былые заслуги.

– Даже и не надейся, – язвительно ответил Тим.

Бен пребывал в своих мыслях, ведь он находился в этом казино почти везде, кроме кабинета владельца, куда они шли. Поднявшись на лифте на третий этаж, и пройдя пару коридоров с золотисто кремовыми обоями с красными узорами, они наконец оказались у комнаты где сидел босс.

На Бене всё ещё был чёрный костюм, белая рубашка элегантно подчёркивала его мощную грудь, в общем он был хорош собой, что постоянно раздражало Тима, который мог эстетично выглядеть разве что в комбинезоне для работников бензоколонки. Он так и хотел врезать Бену, но ограничивался лишь презрительным взглядом.

Босс сидел за большим столом в окружении таких же старых как он людей. Они были одеты дорого, но безвкусно, их компанию могли бы украсить девушки, но к сожалению их там не было, и перспективы на приятный вечер для Бена совсем растаяли. Только в том момент, он обнаружил, что Рик, Тим и Крис носили одинаковые золотые часы, и сделал вывод что это подарок. Но ему уже некогда было разглядывать аксессуары своих похитителей, пришёл его черед, чтобы это ни значило.

– Бен! Заходи прошу, – перебивая разговор с партнерами, произнес босс. – Парни, – обратился он к солидным мужчинам лет семидесяти, – прошу любезно, оставьте нас. Рик, –

обращаясь к нему, чесавшему затылок, – возьми парней, сделайте передышку.

– Вы уверены босс? – из любезности уточнил Рик.

– Да, оставьте нас, – твердо ответил босс.

Тим и Крис спустились вниз, а Рик с другими людьми из кабинета, медленно собрался в отдельный игровой зал. Бен в свою очередь сел напротив босса. Его устраивала ситуация один на один, и он слегка начал приходить к внутреннему спокойствию. Босс перекинулся фразами с теми стариканами что сидели с ним, окинул их важным проводящим взглядом, и когда все наконец ушли, он сказал:

– Присаживайся, – босс указал толстым пальцем место за столом, напротив себя.

Бен учтиво сел на кресло и вопросительно посмотрел.

–Можешь называть меня Арнольдом, – произнёс на чистом европейском английском босс. Его акцент был явно не американским и уж тем более не английским, но говорил он очень свободно и грамотно.

– Окей, я Бен.

– Да уж, я вижу. Какой удивительный сюрприз, – потирая руки и слегка покачивая головой, босс делает паузу, смотрит пристально в глаза и добавляет, – Бен.

– Не знал, что теперь я котируюсь как подарочная посылка. Может всё-таки объясните наконец, что происходит?

– Несомненно Бен, ты узнаешь, что происходит, но давай-ка не спеши. Здесь я определяю то, что происходит, как

происходит, и то, чем всё закончится. Ты попался в мои лапы, и если ты вздумаешь мне мешать, или попробуешь сбежать, то мои парни забудут приличные манеры, и тогда тебе придётся очень несладко. Ты понял?

– Не могу сказать, что очень этому рад, но да, я понял.

– Ха-ха, ну что ты Бен, сколько лет я хотел с тобой встретиться, а ты мне даже не рад?

– Разве мы знакомы? – удивился Бен.

– Нет, но ты же можешь порадоваться знакомству сейчас, – смотрит на реакцию Бена, и понимает, что тот не очень желает проявлять эмоции счастья. – Да, я понимаю, что ты наверняка огорчён тем, как мои парни тебя сюда привезли.

– Да, вообще-то у меня были другие планы, – подумал про себя Бен.

– Но прошу заметить, что тебе не нанесли никакого вреда, а поверь мне, они бы могли, – подняв высоко едва заметную бровь, произнес босс. –Но ты целый и невредимый, свободно сидишь сейчас передо мной, в обстановке полного люкса, и тебе не стоит так напрягаться, как будто я сейчас буду тебя насиловать, – смеется Арнольд.

– Может тебе ещё спасибо сказать, кретин, – вертелось на языке Бена, но он не решился произнести это вслух.

Недоумение Бена нарастало. Он едва сдерживался, чтобы не нагрубить.

– Мистер Арнольд, я вижу, что вы человек уважаемый, занятой, и правда не понимаю, что вам от меня может быть

нужно.

– Бен, – протяженно произнёс он, – всё что мне нужно, это приятный разговор, а ты, именно тот, кто может обеспечить мне его. Этим мужчинам, которых ты сейчас видел, нет до меня дела. Они меня слушают, слушают, а про себя думают: «когда же он наконец сдохнет». Все они старше меня, но каждый хотел бы занять моё место, и тешит себя надеждами, что переживёт меня. Это мир хищников дружок. Здесь нет друзей, только компаньоны и конкуренты.

Бен закрыл рот, и молча лицезрел физиономию босса. «О чём он вообще мелит, какой к черту разговор? Меня явно не для этого сюда приволокли», – сказал Бен про себя. В этот момент в кабинет постучались:

– Войди, – командным рёвом приказал босс.

Дверь открылась и вошёл по всей видимости пит-босс.

– Мистер Арнольд, у нас внизу выигрыш на пятьсот тысяч в рулетку, что будем делать?

Бен улыбнулся.

– Что будем делать, что будем делать…, – раздраженно повторил босс, а потом взорвался и почти прокричал, – ты каждый раз будешь меня доставать с этим вопросом!? Я тебе дал все рекомендации.

– Я понимаю босс, но мы что, и с ним поступим также?

– С кем с ним!? – всё ещё раздражался босс.

– Этот парень ирландец Ронни, наш завсегдатай.

– Этот фокусник хренов? Оставь его в покое, он никуда

не денется, как и наши деньги.

– Понял босс, извините босс.

– Да-да. Работай Эдвин и больше сегодня не беспокой меня.

Пит-босс выбежал пулей из кабинета. Арнольд дал себе несколько секунд выпустить пар, и вновь обратился к Бену:

– Прости меня Бен за это зрелище. Эдвин Рейдвиг – мой пит-босс. Подумываю о его увольнении. Понимаешь, человек на его должности не должен так передо мной стелиться, где его достоинство?

– Понимаю, – холодно ответил Бен, но внутри он испытывал триумфальные настроения за старину Ронни. И отдал должное милосердию босса. Хотя его напрягла фраза «никуда не денется», но как будто бы он хорошо понимал, о чем идёт речь, ведь знал Ронни как облупленного. Вероятно, скоро, он и правда снова «окажется без штанов».

Арнольд облизнул губу, сняв видимо остатки еды или капель от напитка, хрипнул и спросил:

– Ты считаешь себя американцем?

– Разумеется, – нахмурившись ответил Бен.

– Тогда скажи, почему я – человек, который тоже считает себя американцем, не люблю веселиться с американцами?

– У меня есть ответ, но я лучше промолчу.

– Да уж нет, ты ответь мне, – очень нервно произнес Арнольд.

– Если хотите, – сказал Бен, нахмурив брови.

– Если я спросил, то конечно хочу, – перебил его Арнольд. – И обращайся ко мне пожалуйста на ты.

– Окей, – Бен принял замечание к сведению. – По твоей речи слышно, что ты не американец, хотя и живешь здесь видимо очень давно, однако вырос и молодость свою провел скорее всего в Европе. Такой ответ сойдет?

Босс улыбнулся, в его глазах появился слегка заметный блеск.

– А ты проницателен, мой друг! – с восхищением произнес он. – Да-да, ты прав, всё именно поэтому. Всё здесь становится приторным. Искусственный город, фальшивые эмоции, чёртов Диснейленд. Здесь есть порядок, но не хватает безбашенности, как например у русских, не так ли?

И тут Бен напрягся ещё больше. Вообще Арнольд несмотря на свой возраст, вызвал у него настороженные впечатления, потому что был похож на человека, чьё хобби рубить головы по выходным, а потом отправляться в аквапарк с девками.

Боссу было на вид лет шестьдесят пять или семьдесят, примерно метр семьдесят ростом, глядя на него, сразу выделялась его широкая грудная клетка и большая голова. Он был почти лысым, и гладко выбрит, ядовито-голубые глаза, налитые кровью, с заметными мешками под ними, и что больше всего насторожило Бена – это непонятная национальная принадлежность. Упомянув русских, Арнольд всё равно не показался Бену русским, так как он сразу бы это

понял. Судя по имени, можно было бы предположить что он немец, или австриец, но и это тоже пока оставалось под вопросом. Очевидным же было то, что босс давно знал Бена, но неизвестно откуда, и что именно он знал. Иными словами, Бен попался на крючок, его положение было уязвимо как никогда раньше.

– К сожалению я не настолько проницателен, чтобы понять, что всё это значит, – посетовал Бен.

– Слушай, я понимаю, что, пока для тебя всё это выглядит странно и непонятно, но если ты хочешь уйти отсюда поскорее, перестань задавать подобные вопросы. Пока что я просто хочу с тобой познакомиться. А что мне нужно, я итак тебе скажу, и получу это – даже не сомневайся. Только не строй из себя мученика, а поговори со мной как мужчина, без этой пацанской дерзости и ухмылок. Мне не надо язвить, иначе запру тебя в специальной комнате, где будешь общаться с такими дебилами как Тим и Крис, а они очень не любят сидеть без дела. Я конечно не хочу причинить тебе вреда, но эти двое любят кому-нибудь пересчитать кости, так чисто по-дружески. Понимаешь, о чем я?

– То что мне фантастически повезло здесь оказаться, это я уже понял, но что конкретно ты хочешь от меня услышать?

– Я снова слышу сарказм, это ты зря, и ты очень скоро это поймешь, – покачал головой Арнольд, – Что ж, я смотрю ты парень конкретный, задобрить тебя не получится, но ты напрасно куда-то спешишь. Как я уже сказал, только я решаю,

когда ты отсюда уйдешь, и уйдешь ли вообще. Я не хотел тебя пугать, решил что в комфортной обстановке, и в дружелюбной атмосфере, разговор будет более открытым и мы оба получим приемлемый результат, но видимо я ошибался. Я просил парней, максимально корректно с тобой обойтись, чтобы ты оказался здесь в хорошем виде, ведь было бы не красиво сразу сделать так, чтобы ты «испачкался», понимаешь. Но если ты хочешь сразу расставить все акценты, то что ж, я отброшу любезности.

Бен сидел молча, наблюдая за каждым жестом Арнольда, разглядывая внимательно его мимику.

– Итак, я хочу услышать правдивую историю о тебе.

– В каком смысле? – с полным недоумением на лице спросил Бен.

– Бен, ты наверняка уже понял, что я знаю кто ты такой, но не столько сколько мне нужно. Видишь ли, мне недолго осталось жить поскольку я смертельно болен, а тебе, возможно недолго осталось жить, потому что я так могу решить, поэтому, ты мой последний шанс, а я твой.

– Шанс на что?

– Ты поймёшь, но это во многом зависит от того, насколько правдивую историю ты мне расскажешь. Мне пришлось тебя как дикого зверя поймать, и привезти сюда, но ведь иначе ты бы здесь не оказался. Сейчас всё выглядит так, как будто я разыгрываю перед тобой чёрную карту, но на самом деле чёрную карту разыгрывал все эти годы ты. И сегодня,

я предлагаю наконец открыть наши карты. Но я не хочу спешить, к этому мы ещё придём. Я очень давно хотел с тобой познакомиться, и для начала, мне интересно узнать тебя получше, кто же ты на самом деле такой. Так что первый ход за тобой, расскажи мне о себе, всё с самого начала, полную историю твоей жизни, со всеми подробностями, которые ты помнишь.

Бен ещё раз улыбнулся, он посчитал эту просьбу абсолютно странной. Он предполагал, что однажды может оказаться в руках людей, которые захотят с ним свести счеты, но не думал, что это будет сделано таким оригинальным образом. Тем не менее, ему ясно дали понять –другого варианта у него нет, и он сказал вот что:

– Можно мне выпить, а то в горле пересохло?

– Что будешь? – одобрительно отреагировал босс.

– Ром с апельсиновым соком пожалуйста. И я бы ещё не отказался от еды, если разговор будет долгим.

Бен опытный боец, знающий к каким средствам нужно прибегать. Алкоголь в небольших дозах был просто необходим. Странными свойствами он обладает, может отнять у тебя дар речи, а может и вернуть. В данном случае алкоголь был единственным средством, которое могло помочь Бену вновь обрести складность слов.

– Всё будет, – ответил босс на просьбу Бена.

Арнольд вызвал секретаршу и передал ей заказ, а также попросил для себя чай и сладости.

– Ну так что Бен, начинай!

Бен покачал головой и ухмыльнулся. Он по-прежнему не мог поверить в этот абсурд. Ему явно нужно было сначала прийти в себя и разогнаться. Он пристально смотрел куда-то сквозь Арнольда и собирался с духом.

– Я тебя не тороплю. Вижу, что тебе нужна небольшая перезагрузка. Сейчас заправишься немного, и станет полегче.

– Да уж, я не привык пропускать ужин, – заметил Бен.

– Это признак настоящего мужика, уважаю. Я тоже люблю поесть, хотя врачи считают, что эта причина моих проблем со здоровьем, но я считаю, что это всё чушь. Я умираю по другой причине, но не будем сейчас об этом.

Арнольд словно почувствовал, что Бен не станет поддерживать разговор на эту тему и справляться о его здоровье, поэтому сам себя остановил. А Бену и правда было плевать, он только всё время хмурился и щурился, в ответ на длинные и пафосные речи Арнольда.

– Ты бы мог пока начать, с того, где и когда родился, это ведь несложно, – продолжил босс.

– Как сказать, я никогда не был мастером рассказов, они мне всегда с трудом давались. Ещё со школы: выступления на сцене, монологи, стихи – меня просто травмировали, – пытался отпроситься Бен.

– И всё же попробуй.

– Ха, – в своём стиле ухмыльнулся Бен. Его «ха» как нечто неопределенное, ни то восклицательный знак и не точ-

ка, что-то между запятой и многоточием с томным восклицанием; без этого не обходятся его речи, только с годами «ха» становилось менее бодрым, и более хриплым. – Бывает даже хочется поделиться историей, а начинаешь говорить и как будто язык проглотил. Потом тебя перебивают, и момент упущен. И так бывает в эти моменты неловко и обидно, что хочется провалиться под землю.

– Ну вот видишь! Ты уже кое-что про себя рассказал. Молодец. Конечно, два разных человека могут рассказать один и тот же тупой анекдот по-разному. У одного это получится намного смешнее, чем у второго.

– Вот это как раз мой случай, я никогда не умел рассказывать анекдоты, вроде пустяк, но досадно.

– Но в данном случае, мне важно не то, как ты расскажешь, а что ты расскажешь, поэтому я буду слушать тебя внимательно.

Тут Бен осознал всю тотальную настойчивость этого старикана, которого он видел перед собой, и, казалось бы, мог вцепиться ему в глотку, и задушить, но это было не в его стиле, будь оно не ладно. И как бы он не считал эту затею полным абсурдом забредшего в «седые» годы чудака, выход был только один – исполнить его волю. К тому же он понимал, что Арнольд возможно знал про него всё то, что ему в последние годы, пришлось скрывать от всех, с кем он знакомился, в том числе и от своей жены.

– При всём уважении, сделать это я смогу лишь в том слу-

чае, если ты действительно хочешь услышать то, что я тебе расскажу.

– Конечно Бен, ты здесь именно по этой причине.

– Не смеши меня! – тут он всё-таки вышел из себя. – Ты хочешь сказать, что твои парни силой приволокли меня из Лос-Анджелеса в Вегас, чтобы их босс исповедовал букмекера!? – это была игра слов, Бен понимал, что эти парни из «прошлого», но ему нужно было узнать их намерения, и чего они этим добиваются. Он пытался вытянуть из Арнольда больше информации, но надо было отдать боссу должное – он не из тех, кто за дёшево раскрывает свои карты. Их разговор был похож на дуэль в покер, причём на техасский холдем, да ещё и без лимита. На игру, в которой ты можешь опираться лишь на ум и опыт, на чутье, наблюдательность, проницательность, психологию и слегка везение. Покер – это игра, основанная на недостатке получаемой информации, именно такой была беседа между Беном и Арнольдом.

– Бен букмекер, мне пока не интересен, – заметил босс. – А как насчёт Бена бывшего игрока?

В этот момент, лицо Бена заметно побледнело. В его глазах читался сильный испуг. Опасения подтвердились. Он находился в очень слабой позиции, и мало что мог противопоставить. Его карты были биты, ещё задолго до прихода за этот стол. Однако он не хотел до последнего показывать признаки слабости, и боролся за свою позицию до конца.

– Ты ведь был в моём казино, здесь, около десяти лет тому назад, и тебя звали Валера, верно?

В этот момент, в кабинете словно отключили свет, хотя, естественно, так только показалось Бену. В его глазах на несколько секунд потемнело. Давненько он не слышал, как посторонний человек называет его по этому имени. Его пронзили словно иглой, и он заёрзал на стуле. Даже предвкушая неизбежность подобного исхода, Бен до последнего надеялся, что Арнольд бил вслепую и ему удастся сойти с крючка. Но правда в том, что он находился на нём уже с самого начала.

– Чтоб тебя, – возмутился Бен, и понял, что его позиция безнадежней не придумаешь. Он попытался быстро проанализировать ситуацию, и распознать нити, по которым Арнольд мог добраться до этой информации. – Если ты знаешь обо мне всё, то зачем тебе меня слушать? В чём смысл? Я не понимаю. Я тебе чем-то навредил? Что ты хочешь от меня?

Да-да, это не опечатка, настоящим именем Бена, было Валера, но к этому он вас сам подведёт. А пока он был вне себя от возмущения. Ему хотелось проломить череп старика и убежать оттуда. Его бесило даже не то, что он очевидно был полностью зависим от Арнольда, а то, что босс выбрал такую выматывающую тактику. Бен осознавал, что этот человек пришёл за ним, чтобы спросить с него «по заслугам».

– Я знаю не всё, лишь некоторые факты о тебе, а вот ты обрисуешь мне их поподробнее. Разве это так сложно?

Бен в ответ промолчал.

– Ладно тебе, ты же не глупец, и должен понимать, что чем раньше ты приступишь, тем раньше закончишь. Иначе, твой вечер завершится гораздо хуже, чем то, что происходит сейчас, у тебя нет выбора, пойми. Так зачем нам убивать столь драгоценное время? – Арнольд приподнял правую бровь, и добавил: – Просто расскажи, а потом я решу, что с тобой делать.

Бен снова ничего не ответил.

– Ты можешь и дальше молчать, но к чему это приведёт? Подумай сам, мои парни быстро тебя нашли, найдут и твоих родных. Ты думаешь я не знаю откуда ты, думаешь я поверил в то, что ты из Лос-Анджелеса. Этот номер не пройдет. Ты можешь не признаваться, но рано или поздно тебе надоест. Я понимаю, что ты напуган, и ты можешь не доверять мне, но осознай своё положение. Только здесь и сейчас, ты можешь со всем этим покончить.

Бен внимательно выслушал эту речь, и решил, что Арнольд предлагает ему довольно приемлемый расклад, исходя из того, в каком положении он находится. Его жизни пока ещё ничего не угрожает, а это уже хорошо. И когда тебе обещают свободу и возможность всё исправить, взамен на что-то, то совсем не факт, что это правда, но тот недостаток информации что является обязательной частью игры в холдем, это и есть шанс раскрыть две карты соперника, и победить его.

Правда также заключалась ещё и в том, что Бен был игроком до мозга костей, и хоть он в этот момент и упирался, но всегда принимал вызов.

– Ну что ж, мне уже давно терять нечего, хотя я ни черта не понимаю, какого хрена тебе надо.

– Что значит «нечего терять»? – перебил его босс. – Не стоит драматизировать. Относись к этому проще, это игра и мы всего лишь общаемся, – Босс положил свою большую ладонь на макушку и несколько раз потер ее. – Я виноват, что произвёл на тебя плохое впечатление. Но когда ты владеешь казино, ты не можешь быть милым. Ты же умный парень и должен это понимать.

– Понимаю.

– Ну ещё бы. Хотя и не в казино дело. Моя жена говорила, что меня даже могила не исправит, и когда её не стало и прошло уже много лет, я постепенно начинаю с ней соглашаться. Я никогда не был милым, чего уж тут. Отец лишил меня ещё в детстве желания быть милым. Он был грубым и резким человеком. Таким стал и я. Но это не значит, что я не умею ценить дружбу. И сейчас я пытаюсь достучаться до тебя. Этим я хочу сказать, что тебе не стоит считать меня врагом.

Бен поймал себя на мысли, что его увлекла болтовня этого старика, но он снова ничего не сказал в ответ.

– Чёрт, да я уже сам скоро начну о себе рассказывать, так что давай-ка ты не будешь вести себя как маленький и начни

говорить, – продолжал босс. – Уважь себя, и меня. Мне надоело играть роль мамки, упрашивая тебя с ложечкой пюре, покушать.

Потом Босс хмуро отвел глаза в сторону и сказал:

– И ещё…, я не сказал тебе главного – ты мой должник Бен. Я пока не скажу, каким образом ты им стал, но считай своим долгом рассказать мне о себе всё о чем я тебя попрошу.

Была ли это правда или уловка, Бен даже несмотря на свой опыт, вряд ли мог определить, но он точно знал, что уже не хотел вступать в очередной раунд диалога. Он был утомлен и решил дать себе передышку. Услышав о своём долге перед Арнольдом, он расстроился ещё больше, ибо бить ему это было нечем. Когда тебя считает должником такой человек как Арнольд, пусть это даже чистой воды ложь, отпираться уже сидя в его кабинете, было просто невозможно.

– Я не знаю, что именно ты хочешь услышать, поэтому расскажу о себе то, что я бы сам хотел вспомнить.

– Вот видишь! Отлично, – обрадовался босс, – так начинай прямо с самого детства.

Бен снова с подвохом посмотрел на Арнольда, решив, что если и будет сейчас что-либо говорить, то сделает это с особым пафосом. Он уже давно ни с кем не общался о своём прошлом, о детстве и о родине, а если быть точным, больше десяти лет.

В каком-то смысле он лукавил, что не умеет рассказывать

истории, и несмотря на испуг, ему было приятно ощущать такой интерес со стороны самого владельца казино. «Не каждый день тебя похищают в конце-то концов. Может быть, это твои последние показательные выступления, так что сделаем это шоу повкуснее» – решил он про себя.

Вероятность своего возвращения домой, Бен расценивал, как бы банально это не было, как пятьдесят на пятьдесят, поэтому возможно и имело смысл откровенно и мужественно поставить точку в этой затянувшейся истории, как сказал босс – «здесь и сейчас».

Бена убедили слова Арнольда. Он перетасовал мысли, и в конечном итоге слегка поменял своё отношение к этому типу. Он сделал попытки изменить ситуацию, но босс и дюйма не уступил. А по сему, для Бена оставалось только одно – играть по правилам Арнольда, который постарался сделать добрый взгляд и произнёс:

– Ты можешь не стесняться меня. Расскажи всё как есть. Где ты родился?

– Я родился в России, на Кавказе, – начал повествовать Бен. – Так уж получилось, что и со стороны моей матери и со стороны отца, были русские и кавказские корни. Мне вообще сложно представить, как всё это происходило. Хотя знаешь, я бы с удовольствием, где-нибудь сверху понаблюдал за тем, как меня рожали. Мать неоднократно мне рассказывала про роды, и всякий раз, я с замиранием сердца слушал её. Конечно из моих уст история звучит не так тревожно и

трепетно, но и ты видимо не тот человек, который обладает ушами, способными воспринимать такие чувственные речи, так что не обижайся, – попытался подколоть своего собеседника Бен.

– А вот тут ты ошибаешься Бен, мои уши слышали много прекрасных историй, – сказал босс хладнокровным тоном. – Продолжай мне интересно.

Бен продолжил рассказ, но всякий раз оставлял в стороне от слуха босса очень дорогие его памяти факты, поэтому есть смысл дополнить ими его биографию для вас.

Месяц июнь, на дворе стояла невероятная жара, а вокруг были одни кавказцы: смуглые, загорелые, и явно не догоняющие как сюда попала мать Бена – молодая девушка из Петербурга. К ее невероятной радости, главным врачом поликлиники был русский мужик. Она говорила, что он единственный кто выполнял свою работу с заботой и добротой. Он ругал молодых родителей за их глупый поступок – приехать рожать во Владикавказ. И несмотря на все тяготеющие обстоятельства, врач сделал всё и даже больше, чтобы спасти ребенка и мать.

Когда Бен появился на свет, чувство времени остановилось для его матери, измученной и заколотой обезболивающими. Конечно же Бен не мог знать, что произошло позже, но есть забавный факт, который и по сей день добавляет ему сил и веры.

Мама Бена, отец, да и все остальные никогда не видели

младенца, появившегося на свет с такой белой густой шевелюрой и со светлым лицом и кожей. Обычно дети рождаются с красными лицами, лысыми головами или в лучшем случае с небольшим количеством волос. Когда Бена положили рядом с другими детьми, он наверное выглядел, как эксклюзивный экспонат в музее. Видимо, ему с рождения было суждено выделяться, стать особенным, и в самые первые мгновения своей жизни, Бен успел выделиться тем, что был единственным ребенком со светлыми волосами в роддоме, да что там со светлыми, вообще с волосами. Конечно, кто-то скажет, что ничего особенного в этом нет, но в тот период для родителей он был ангелом.

Бен упомянул, что в первые годы жизни, прохожие его даже называли девочкой, из-за густых кудрявых светлых волос, и очень нежных черт лица.

– Честно говоря, странно даже об этом говорить, но порой я самому себе завидую. Сейчас я уже конечно не так красив. Даже и не вериться в то, как я изменился, – продолжал Бен.

– А ты любишь себя похвалить, – сказал Арнольд довольным тоном, видимо оттого, что сумел развести Бена на откровенный разговор.

Девушка принесла выпивку и еду, чем сильно порадовала мужчин, и они продолжили дальше.

– Однако, спустя две недели после родов, мы вернулись в Санкт-Петербург. И я всегда думаю о том, что родился в том месте, где никогда в осознанном возрасте не бывал. После

родов, мои родители и я больше во Владикавказ не возвращались.

– А зачем твои родители вообще захотели тебя там рожать, если они уже жили в Санкт-Петербурге?

– Это была воля отца – авантюра в чистом виде! Родить меня в его родном городе. Мама вопреки всем рекомендациям, самопожертвенно исполнила пожелание мужа, и перенесла тяжкое испытание.

– Что ж, интересно. Меня впечатлила эта метафора со светлыми волосами. Значит ты родился особенным, – слегка с наигранным восхищением произносит босс.

– Ну мне это всегда говорили, и раз уж ты просил рассказать всё как было, то теперь слушай.

Бен смирился с тем, что попался и осознал, что возможно это его последний шанс пролистать свою жизнь. Поэтому он стал рассказывать искренне, даже несмотря на то, что перед ним сидел человек, которого он впервые видел.

Если возвращаться к тому, что Бен родился со светлыми волосами и кожей – то чудес тут никаких нет, он выделялся лишь потому, что в роддоме лежали только кавказские дети, и все они были смуглыми. Конечно, родись он например в Швеции, его шансы на такой успех были бы ничтожными.

– Однако вскоре, и с Петербургом моей семье пришлось попрощаться, что кстати было весьма неплохим развитием событий на тот момент, ведь мы переехали жить в Москву, – продолжил Бен. – Мне было четыре года, и мы уехали в сто-

лицу. Что ж, годы шли медленно, сам понимаешь – детство. Я был самым счастливым ребенком на свете, и до сих пор уверен, что это был лучший период в моей жизни, да и наверно лучший период в жизни всей семьи.

Всё было так примерно до того, как я пошел в школу. О, конечно школа здесь не причём, однако не сказать, что она не повлияла на мою жизнь. Родители очень трудились, чтобы я не давал волю своей лени. Каждый день после школы, ещё часа четыре, я тщательно делал домашние задания под их строгим присмотром. Примерно в то время появился на свет мой братишка, а пока он был маленький, он нуждался в больших заботах, чем я. Поначалу мне было непривычно. Логично, что тут-то, руки у меня и развязались.

– Кажется так всегда бывает, когда ребёнку предоставляется свобода. И это самый опасный момент в жизни человека, перед ним появляется выбор – продолжать усердно трудиться, или давать волю своим желаниям, – сказал Арнольд.

– А с тобой не так уж сложно, – ответил Бен. – Ну как ты и сказал, у меня действительно появилась, нет, ещё не свобода, но право выбора. Я видел, как родители всё больше и больше уделяют внимание брату, и всё меньше делают со мной уроки. В итоге весь контроль над моей учебой ограничивался тем, что они проверяли мои оценки в дневнике. И я был этому рад. Жизнь всё равно была прекрасна! В то время, самое начало девяностых, в России творился хаос, однако для людей, которые приспособились к тем условиям, всё было не

так уж и плохо. Осваивались, что уж там греха таить, те кто понаглее: воры, бандиты, лживые политики, и моя семья.

У нас сложился целый круг людей, которые поддерживали друг друга и развивали бизнес. В него были вовлечены почти все близкие родственники и друзья из разных городов России, Грузии и Армении. Во главе семейного бизнеса был мой дедушка, человек, который был очень похож на Вито Корлеоно в исполнении Марлона Брандо. Все считали моего деда мафиози, но он даже близко не был таким, правда, никто в это не верил. Он и внешне был весьма суровым мужчиной: коренастый, с очень большими мощными руками, сильными настолько, что он ломал ими замки, выбивал двери, и гасил недоброжелательных персонажей. И тем не менее, он не имел никакого прямого отношения к криминалу. Мой дедушка получил высшее образование несмотря на то, что был родом из глухой деревни. После университета, в Волгограде, в скором времени он стал уважаемым архитектором. Однако в девяностые, его заслуги автоматически были аннулированы. Падение СССР – деньги обесценились, и моя семья, как и все остальные, потеряла почти всё состояние. Пришлось как-то крутиться.

Сначала дедушка вместе с бабушкой торговал на рынке одеждой, которую привозил из провинций, и постепенно накопил денег на целый магазин. А спустя четыре года, у него их было уже десять, и дела семьи пошли в гору. В довесок к магазинам одежды, дед вместе со своим сыном и моим дя-

дей, открыли несколько продуктовых точек и это был очень прибыльный бизнес! Так обеспеченно наша семья не жила ни до, ни после того периода, который длился примерно десять лет.

Мне нравилось ездить с дедушкой по торговым точкам, забирать прибыль и контролировать продавцов, чтобы не халтурили и не бухали на работе. Дедушка никогда не умел водить, он даже на велосипеде-то не умел кататься, однако у него были шофера. Периодически он бил одного за другим, потому что все смачно пили. Джо Пеши в фильмах «Казино» и «Славные парни» – вот примерно в таком стиле орудовал мой дедушка.

А воздух в Москве был непередаваем! Запах свободы, запах выбора и возможностей. Дети перестройки, и я имел честь жить в то время, и имею честь помнить его. Для кого-то оно было тяжелым, а для кого-то наоборот. Я же был ребенком, и не чувствовал тяжести ни в чем, и не отказывал себе в наслаждении жизни. И мне казалось, что и мои родные тоже жили счастливо и легко. Девяностые для всей семьи прошли очень событийно и весело. Мы жили на широкую ногу, могли позволить себе любые автомобили, одежду, мебель и что угодно. Семья путешествовала по всему миру, несколько раз бывали в Америке и Европе. Меня одаривали самыми дорогими игрушками, и привозили подарки из-за рубежа. Однако в какой-то момент, в начале нулевых, всё началось постепенно ухудшаться.

– В девяностые годы, понимаешь, всё было в новинку, – продолжил Бен. – Жить было интересно, потому что как потом покажет время, не было тогда моды общаться через социальные сети, поэтому все наши близкие люди постоянно собирались вместе. У нас была очень большая семья, и мы регулярно общались. Мы были очень увлечены жизнью, и проводили время разнообразно, много путешествовали, ходили в рестораны, и ездили на природу. Безусловно, фактор денег тоже сильно влиял. Когда ты богат, твоя жизнь может быть более насыщенной, но всё-таки настаиваю на том, что дело здесь не в деньгах, а именно в особом периоде, где люди хотели живого общения и умели веселиться, были более простыми что ли. Никто не собирался на праздник, чтобы потом сделать селфи и получить лайки, понимаешь, о чем я? Мы проживали события не ради того, чтобы этим поделиться в соцсетях, а ради самого момента. И чем больше технологии захватывали наше внимание, тем сложнее было поддерживать ту былую атмосферу чистой радости.

И вот прошло ещё несколько лет, я уже учился в старших классах, и от того времени, духа девяностых, не осталось ровным счётом ничего. Даже воздух и тот особый запах свободы исчез. Москва превратилась в шаблонный мегаполис, в который съезжались нелегалы в поисках работы. В городе повсеместно строились времяубивающие торговые развлекательные центры, и начало казаться, что люди все стали одинаково мыслить и жить.

Образ жизни очень сильно изменился. В страну стали массово приходить зарубежные компании, которые очень стремительно захватывали рынки. Монополисты безжалостно устраняли конкурентов из малого бизнеса, что привело к ухудшению состояния и нашей семьи. Забавно, что с бандитами из девяностых и откровенно тяжелым экономическим положением страны, моя семья справиться смогла, но перестроиться под новые торговые отношения и выдержать натиск крупных торговых сетей, было сложно. Всё стало цивилизованно до жути.

После хаоса девяностых, Москва обрела довольно-таки быстро облик такого светского цивильного города, в котором есть порядок и закон. Для населения это было безусловно хорошо. Стало меньше бандитских разборок и убийств, люди могли более спокойно передвигаться по ночным улицам и ездить в метро, и я не сомневаюсь, что в моей семье такие перемены тоже были встречены с большим одобрением. Однако они упустили тот момент, когда нужно было эволюционировать.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Арнольд.

– После падения СССР, моя семья смогла перестроиться. Несмотря на куда более критическое положение, они организовали бизнес по тем реалиям и правилам, которое диктовало тогдашнее положение дел в стране. С наступлением нулевых, коммерция стала на путь монополизации, государство навело порядок в силовых структурах, что повлекло бо-

лее тщетный контроль над бизнесом.

Все процессы стали проходить через бюрократические проволочки, появились новые технологии, рынки сбыта, маркетинговые изощрения и во всё это нужно было вникать. Иначе говоря, в тот момент необходимо было из местечковых торговых лавочек, превратиться в цивильную современную торговую сеть, которая бы шла в ногу со временем, а ещё лучше, опережала бы его. Мой дед к тому моменту был уже староват для этого дерьма. И наш бизнес постепенно начал умирать, в силу вышеназванных причём. Не могу сказать, что мы ничего не предпринимали, но конкуренты ушли сильно далеко.

Доходы граждан стали расти, увеличилась покупательская способность, и всё это было конечно же здорово для населения, которое по большей части жило бедно после развала Советского Союза. Однако уровень жизни моей семьи стал стремительно падать. И примерно в этот период со мной произошли некоторые изменения.

– Извини что перебью, но слушая тебя, я не могу до конца понять, неужели ты в серьез жалеешь о том, что девяностые прошли? Разве не лучше жить в стране, которая живет гораздо богаче и безопаснее?

– Из моих слов видимо следует что всё-таки я больше жалею не о том, что прошли девяностые, а о том, что мы не смогли перестроиться после них. Ну и конечно, поскольку моё детство и школьные годы прошли в девяностых, а это

был самый счастливый для меня период, я не могу по нему не скучать и не испытывать сильную ностальгию.

– Это понятно, да, – задумчиво согласился Арнольд. – А насчет девяностых, то я помню, что в то время думали о России иностранцы, которых я знал.

– И что же? – спросил Бен.

– Твоя страна всегда вызывала раздражение у них. Огромная территория, природные ресурсы, но как будто бы людям самим не было до этого дела.

Лицо Бена отображало подлинную грусть, ведь он не мог с этим поспорить.

– В твоих словах есть истина, но знаешь, в России все ругают девяностые годы, и я могу понять причину, но при этом никак не могу с этим согласиться. После периода СССР, люди потеряли почти всё что у них было, и большинство людей так и не смогли начать новую жизнь, а некоторые даже и не пытались. Вместо этого, все ругали правительство почём зря, хотя политиканов я оправдывать не собираюсь, они действительно подвели народ, мягко говоря.

Да, действительно ничего хорошего для людей не происходило: вокруг бандиты, воры в законе, и естественно всё это выливалось в кровавую бойню. Страдали все, каждый день находили трупы как бандитов, так и мирных жителей, отстаивающих свои права. Плюс ко всему, в стране происходил «бум» героиновой зависимости! После распада СССР, в России появились зарубежные фильмы, которые пропагандиро-

вали наркотики, а вместе с ними появилась и сама наркота. В каждом дворе употребляли эту дрянь. Россию травили извне, засоряли её ненужным мусором. Страна стала похожа на воронку, всасывающая всё что было в западных странах. Что и говорить, это был бардак, но только не для нашей семьи.

Конечно, криминальная сторона жизни касалась и нас. В частности, поначалу все магазины моего дедушки брали под охрану его знакомые авторитеты. Не без «крыши» знаешь ли. Они требовали немалые деньги, но что оставалось делать? Приходилось платить, иначе на их места пришли бы другие. Хотя в моей семье все были не робкого десятка, и за себя постоять могли, особенно дедушка и бабушка.

Одной ночью, когда продавец не смог прийти на смену, моя бабушка и дедушка поехали его заменять. Бабушка дежурила за продавца, а дедушка спал, как бы в качестве охранника. Там была наша семейная палатка с продуктами, а самое главное с алкоголем и сигаретами, которая стояла в центральном районе, прямо возле садового кольца. Несмотря на столь поздние часы, торговля и тогда всегда шла обильно. И вот в череде привычного контингента покупателей для такого времени суток, а это в основном были, так сказать, люди ведущие не очень семейный образ жизни, к бабушке подошёл тип и без длинных предисловий, сразу приставил к её окошку пистолет, и угрожая убийством, потребовал отдать ему всю выручку.

Казалось бы деньги уже были у него в кармане, однако он, конечно, не мог знать, что моя бабушка реагирует на угрозы, как бык на красную тряпку – такой уж она человек. Она без колебаний, уверенным голосов ему сказала: «Я тебя гад не боюсь, так что либо убирай пистолет и вали отсюда, либо тебе придётся меня пристрелить»! Одновременно, пнув ногой, она разбудила моего деда, который крепко спал прямо за ней на матрасе. Дед спросонья подскочил, что сильно напугало грабителя, и он, ничего не сказав, сразу дал деру.

Однако на этом история не закончилась, примерно через час, этот придурок нагрянул снова, и ты ни за что не угадаешь для чего!

– Неужели он принёс деньги? – предположил Арнольд.

– Да, ты близок по смыслу, но это было бы уже слишком сложно поверить кому расскажи, хотя и то, что случилось на самом деле, вряд ли может уложиться в образ привычных взаимоотношений между вором и жертвой.

– Ну не томи уже, зачем он вернулся?

– Он пришёл снова, чтобы выразить респект моей бабушке за смелость, и зачем-то похвастался перед ней, тем что ограбил другую палатку, после чего скрылся.

– Да уж, забавная история. Вполне ясно характеризует твоих деда и бабушку – похоже выдержка у них была непрошибаемая. А грабитель этот, видимо был наркоман какой-то, – предположил Арнольд.

– Не исключено, – согласился Бен. – Кстати дедушка не

всегда спал, когда покушались на его благо хулиганы. У него был УАЗ – добротная мощная русская машина, и одной зимней холодной ночью, какие-то уроды попытались её угнать, прямо под окнами нашей квартиры. И что ты думаешь? Услышав сигнализацию, правда с подсказки бабушки, мой дед, выбежав из постели в одних трусах, взял огромный топор, который недаром всегда лежал у нашей входной двери, и побежал на улицу. Был лютый мороз, градусов пятнадцать ниже нуля, шла метель, ты представь это зрелище! Хулиганы, увидев обезумевшего почти голого мужика с топором, просто в штаны наложили и как тараканы разбежались в разные стороны.

– Представляю их лица, – довольным тоном сказал Арнольд, – это было реально зимой?

– Ага, самой настоящей мать его русской зимой, которая так пугает иностранцев.

– Да, твой дед самый настоящий псих походу – уважаю, – сказал Арнольд.

– Честно говоря, не всегда такие дикие повадки дедушки были ему плюсом, он не соблюдал правил этикета, и честно говоря, не был им научен, деревенское детство давало о себе знать, но в некоторые моменты, все те, кто его знал, особенно я, само собой восхищались им!

Босс внимательно выслушал Бена, и оценив заслуги деда перед своей семьей спросил:

– Признаюсь честно, не ожидал от тебя услышать истории

о девяностых в России и крутом деде, но это весьма увлекательно.

– А чего ты ждал? Что я начну перечислять свои любимые мультики детства?

– Не знаю, нет наверное, – озадаченно ответил Арнольд, – но просто удивительно что ты столько всего помнишь.

– Да, те события оставили очень яркий след в моей памяти, – Бен что-то ещё хотел сказать, но Арнольд его опередил.

– Люди в основном не помнят ранний период своего детства, – заметил босс.

– Да и школьные годы то не помнят, – добавил Бен. – Но я достаточно рано начал себя осознавать человеком взрослого мира.

Арнольд бросил на Бена оценивающий взгляд. В беседе нависла короткая и неловкая пауза. Боссу явно нравилось происходящее, он втянул пленника в свою игру. Бен, как искусный игрок, позволил почувствовать первенство своему оппоненту, жадно проглатывающему любую наживку. Он плыл по течению, но затаив за спиной якорь, хотя, возможно, ему так только казалось. Оба игрока блефовали, и только бросив последние карты на стол, станет известно, кто из них обезоружен.

– Значит ты у нас был взрослый не по годам, да мистер умник? – продолжил Арнольд.

– Можно и так сказать, и у меня даже есть теория, которая вероятно объясняет истоки появления моего мировоз-

зрения, – поймав кураж, ответил Бен.

– Ну так, будь любезен, поведай её.

– Многие дети, – выдохнул Бен, и с очень нарочито поникшим видом продолжил, – проводят свое время бездарно. Конечно, может быть я не прав с точки зрения морали, но посуди сам, чем занимаются дети? Если это пацаны, то они катают машинки, играют в игры всякие, а у девочек и того хуже, куклы и… куклы.

– Извини перебью, но ты говоришь о своём детстве, а сейчас ситуация и того хуже, – выразил босс, – куклы хоть както развивали детей, но когда все игрушки заменили компьютеры и планшеты, я честно говоря, потерял веру в светлое будущее людей. Кем они вырастут? Зомбированными овощами.

– Пожалуй соглашусь. Но у меня же было всё совсем подругому. Да, у меня были машинки и очень много, я играл в детские игры, а больше всего я любил конструкторы, и мог собрать что угодно, не глядя в инструкцию, но это было не главное.

Я отличался от других детей не только тем, что мои родители могли позволить дарить мне дорогие игрушки. Действительно особенным меня и моё детство сделало то, что вместе с родными и их знакомыми, я постоянно мотался по всем тусовкам, и сам того не осознавая, поглощал всё то, что они в себе несли. В то время, люди были харизматичнее что ли, ну и конечно гораздо опаснее чем сейчас. Я не говорю,

что это были плохие люди, нет, но они были действительно колоритными персонажами. Много вещей случалось на моих глазах в то время, когда другие дети уже ложились спать, а я прохлаждался со взрослыми и как поплавок маячил на очередной вечеринке или свадьбе.

Как правило, я всегда был единственным «мелким» на всех этих тусовках, и мне доставалось больше всего внимания. Я был любимчиком абсолютно у всех наших знакомых на любой вечеринке. Все меня развлекали, дарили подарки, но не только потому, что я был милым ребенком, а потому что я отлично вписывался в их компанию, как бы это не странно звучало. Я был очень общительным, энергичным и затейливым парнем, с которым было интересно даже взрослым. Дополнительно подзадоривать меня не нужно было, я очень легко находил контакт даже с незнакомыми мне людьми, и делал обстановку на тусовке ещё веселее.

Однажды в гостях, где как всегда было очень много человек, и они как обычно что-то отмечали, меня начал провоцировать один паренек, который был старше меня на два или три года, плюс ко всему, он был сыном хозяев квартиры. Что про меня не говори, но в таких ситуациях в детстве и по молодости, я долго не колебался. Я побил этого мальчика прямо на глазах у всех, включая его родителей. Несмотря на разницу в возрасте и габаритах не в мою пользу, я отдубасил его так, что он даже пикнуть в ответ не смог. Он был тотально унижен на глазах его родных, забился в угол и заскулил

как щенок. Парень ошибочно думал, что будет весь вечер надо мной издеваться, и наверняка уже строил такие планы. Видимо у него такие номера проходили с другими малышами, и родители не подали ему правильный пример. Что ж, пришлось мне исправить пробелы в воспитании.

И что ты думаешь!? Я только что в гостях, укладываю на глазах папы и мамы их сына, и это явно не очень приятная для них картина. В любом другом случае, это как минимум повлекло бы ссору между ними и моими родными, а конкретно моим дядей, который был их другом и находился там. Однако я настолько нравился всем, кто там присутствовал, включая родителей этого мальчика, что мне ничего не сделали – ни малейшего замечания. Более того, меня похвалили. Вот так! Я уложил пацана сильно больше и старше меня – это знаешь ли впечатлило абсолютно всех, особенно мужчин. Потом ещё очень долго ходили рассказы о моих бойцовских способностях в самых хвалебных эпитетах.

– Очень хорошо, – заметил босс. – Уверен, что после такого, тебя ещё больше зауважали.

– Конечно же, и дед, и дядя, который был там. Да, ему очень понравилось зрелище. Он ещё долго вспоминал тот случай и гордился мной.

Бена уже было не остановить, он начал погружаться в собственную жизнь, его слова становились все более эмоциональными. Рассказ, который так хотел услышать Арнольд, стал раскладываться перед ним, как кадры из кинофильма.

– С детства во мне закладывались такие вещи, которые к другим приходят в возрасте постарше, а к кому-то не приходят и вовсе, – объяснял Бен. – И я сейчас говорю не про банальное воспитание. Как раз нет. Меня никто никогда не воспитывал, а те кто это пытался делать, просто меня не знал, и был человеком не из моей семьи. В моей семье как такового воспитания не было. Родные дали мне гораздо больше пользы чем нравоучения. Они выводили меня в свет, показывали как общаться со взрослыми, показывали на своих и чужих примерах, как можно решать ситуации в свою пользу, какие ошибки нельзя совершать, показывали как быть сильным и уметь отвечать за свои слова и поступки. И я не буду лукавить, всё это сопровождалось встречами с влиятельными людьми и помпезными вечеринками, которые во всех смыслах делали моё детство богаче.

Будь то наш дом, или поездки в гости, везде был люкс. Не было ни дня, чтобы кто-то в нашей семье в чём-то нуждался. В любое время и любой день, мои родные могли себе купить практически что угодно, и поехать на чём угодно и куда угодно. Ну а больше всего мне конечно запомнились рестораны и яхты – роскошные и большие, где собиралась вся моя семья, родственники и друзья. Я помню огромные банкетные залы, буквально царских размеров, сотни гостей, вкусную еду, нескончаемые тосты и танцы, переходящие в пьяные стычки и даже драки. Что не говори, но русские и кавказцы умеют гулять, и не один народ с ними даже близко

рядом не стоит по этому показателю.

Американцы круты в кино, спорте и музыке, я люблю итальянцев за их сладкий на слух язык, футбол, культуру, природу и кухню. Вообще все народы чем-то славятся. Но вот шикарнее русских, никто не умеет гулять, и тут даже дело не в том, сколько денег они тратят, а в том неописуемом образе, который они создают о самих себе, сидя в ресторанах. Возьми даже русские или кавказские свадьбы, ну кому ещё в голову придёт, собирать на эти мероприятия сотни человек!?

– Как ты думаешь, почему русские так ярко гуляют? – спросил Арнольд.

– Наверно потому, что есть что-то трагичное в русском и кавказском народах, поэтому и гуляют они от всей души.

– А это между прочем многое может объяснить. Чем тяжелее судьба, тем пышнее праздник.

Бен лишь молчаливо кивнул в ответ, и продолжил:

– Я не могу сказать, что помню всё, что происходило со мной в маленьком возрасте. Безусловно, многое мне рассказывали родные, но моё нутро было изначально пропитано этой жизнью, фундамент был заложен уже тогда. Именно по этой причине, я видимо сижу сейчас перед тобой, именно по этой причине, я редко уважал аморальных типов, не ценящих свою семью и близких. Я не понимал сверстников, которые говорили, что ненавидят свою мать или отца. Уже позже, я конечно познал и другие истории, где в семьях творится чёрт знает что, и где если ты недостаточно силён, то

вечером снова будешь поколочен безработным отчимом, который пропивает зарплату матери, и пока она на работе, занимается так называемым воспитанием детей. Конечно такие родители уважения заслуживать не могут.

– Что ж, знаешь, все эти бла-бла на счёт уважения…, – сказал босс.

– Не совсем понимаю, о чём ты, – перебил Бен.

– Ну так ты дослушай, – строгим тоном ответил Арнольд, – Уважение к людям, чтущих семейные ценности, всегда выражается как должное. Я не буду оригинальным, и скажу, что того же мнения о всех этих семейных цацках, – сказал босс.

– И всё же как я понял, ты пренебрегаешь такими понятиями? – спросил Бен.

– Какими понятиями? Семейными ценностями? – уточнил Арнольд, слегка поперхнувшись.

Бен кивнул в ответ.

– Вовсе нет. Просто мне не столь повезло с семьей Бен, – ответил Арнольд.

– Да, про твои отношения с отцом я помню. Но неужели все в твоей семье были такие? – спросил Бен, хотя на лице у него считывалось безразличие, которое легко заметил Арнольд.

– Если тебе это правда интересно, то я коротко тебе отвечу, что не было у нас как таковой семьи.

Бен так с улыбкой посмотрел на Арнольда и произнёс:

– Мне кажется ты бы хотел об этом поговорить, но твоё положение тебе не позволяет этого сделать, или я ошибаюсь?

– Если я что-то хочу, то делаю и получаю это, не забывай. О себе я расскажу позже, если это понадобится, а сейчас продолжается твой ход.

Они сделали секундную паузу, будто что-то осмыслили друг о друге, и может босс и хотел бы развить эту тему и добавить ещё пару слов про «своих», но ему надо было гнуть основную линию, поэтому Бен продолжил рассказ:

– Я с детства всегда видел корень и причину лжи, фальши, и всего того отчего мне становилось тошно. Когда меня не любили, то не любили за то, что я чувствовал нутро человека. Меня ненавидели учителя и взрослые, которые вели нечестную игру. Другим детям было всё равно. Они не вникали. А я всегда видел лгунов насквозь, видел их подлые поступки. Когда ты видишь мразь насквозь, то получаешь незабываемое удовлетворение, словно очистил рану от гноя. Их морда покрывается пятнами, а взгляд становится стыдливым и ненавистным. Скулы сжимаются, глаза бегают.

Я был слишком самонадеян, мне следовало скрывать это, но все мои эмоции были написаны у меня на лице. Я не понимал, что нельзя быть борцом за справедливость, не в этом мире, и за это я всегда платил и оказывался внизу списка, несмотря на то, что в честной игре, я почти всегда побеждал любого противника.

Будь то спорт или учёба, а может и любая очередная заба-

ва во дворе, я всегда был на высоте, но я не хотел извлекать из этого выгоду, понимаешь о чём я? Я считал неблагородным делом хвалиться и унижать проигравших. Мне хотелось сохранить не только своё достоинство, но и достоинство моих оппонентов и партнеров. А другие так не делают. В основном все достигнув какой-то цели, начинают ещё больше набивать себе цену и задирать нос. И меня всегда раздражало это, и мне по жизни с детства, было не по пути с такими людьми.

С одной стороны, я много чего не дополучил из-за своих принципов, с другой – это раз и навсегда отсекало от меня двуличных и жалких людей. Большинство знакомств заводится с какой-то целью, в основном, чтобы использовать кого-нибудь. А я никогда не мог смириться с этим. Почему нельзя просто так общаться? Именно поэтому я всю жизнь одинок, даже несмотря на то, что у меня была лучшая семья и верные друзья, но я был слишком сложен для них, и для себя. Я редко шёл на компромиссы, особенно наперекор своим принципам, ради чей-то, а иногда даже своей выгоды. Я пытался поступать справедливо, но людям это не всегда нужно. Им нужно чтобы было удобно. Вот и вся загвоздка.

– Что ж, мне всё больше становится ясно…, – босс делает паузу, и не говоря, что именно, произносит: – Ты сказал, что почти всегда побеждал. Как тебе это удавалось?

– Хороший вопрос, – Бен очень задумался и когда нашёл слова для ответа, сказал: – Пожалуй, отвечу пафосно, но....

– Бен, пафос – это твоя жизнь, не лукавь, – перебивает босс, на что Бен лишь ухмыльнулся.

– Я не могу тебе ничего ответить кроме того, что во мне жила какая-то космическая энергетика. Это загадка всей моей жизни. Слово «победа» было ключевым. Я не знаю почему, но даже к самым глупым и малозначимым играм, я относился серьёзно. Сейчас я понимаю, что был наивным дураком, ведь никто из моих сверстников не ценил это стремление. Они играли чтобы пообщаться, без фанатизма, а у меня всегда был принципиальный настрой. Своих партнеров я настраивал только на победу. Наверное я того сам не осознавая воспитывал в себе и развивал чемпионских дух. Но всё началось со спорта.

Отец, когда мне было шесть лет, отдал меня на футбол. На тот неосознанный период, спорт мне не нравился, и я не мог его предпочесть поездкам с дедом по его магазинам, или походам с тётей или дядей по гостям. Однако через годик, сменив пару команд очень сильного уровня, где требовали неизвестно что, отец решил отдать меня в более скромную команду. И тут футбол захватил меня.

Ещё до прихода в школу, я узнал, что такое коллектив – «один за всех и все за одного». В футболе я преуспел быстро, и примерно за год стал капитаном команды, играя на позиции нападающего. Я не забивал больше всех, но забивал именно тогда, когда другие не могли, а мы висели на волоске.

– Это называется дух победителя, – сказал Арнольд.

– Да, и чтобы это в себе воспитать, нужно как минимум два фактора: воспитатель, и твои задатки. Если у тебя есть ментор, но нет стержня, ничего не поможет, и наоборот, если ты родился с характером, но тебе не дали необходимую базу, то тебе будет как минимум сложнее. У меня же было и то и другое. Дядя, отец и дед научили меня многому, и прежде всего бороться до конца, и подавлять слабость и усталость в тяжёлые моменты. Я схватывал на лету все эти уроки, и был гораздо закалённее своих сверстников. Поэтому вряд ли найдется хоть один человек вне семьи, кто видел бы меня в слезах или просящим о помощи. Я очень рано научился держать удар, и когда началась школа, я был достаточно взрослым, на фоне других детей конечно же.

– Расскажи о своей школе, как ты учился?

– Да уж, школа, как много она мне показала, и много чего дала. Первый класс моего обучения прошёл как нельзя круто, у меня были отличные оценки, за исключением одного-двух предметов, меня очень любила классная учительница и всегда помогала, к тому же мама, уделяла мне много времени, и не позволяла расслабляться. Но именно в том же первом классе, случилось то, что в дальнейшем кардинально изменило мою школьную жизнь. Я никогда не забуду того дня, когда на уроке математики, за мою парту посадили Алекса.

До того момента, я ни с кем в классе особо не общался, только изредка с девочками, потому что, приходя до-

мой, мир мне казался более привлекательным чем в школе, а взрослые друзья нашей семьи, были для меня куда интереснее, чем эти сопливые одноклассники. Но Алекс был другим, я понял это сразу. Весь урок он мешал мне заниматься, а ведь я сам не любил этого делать, но был слишком скромен, чтобы не слушаться учительницу. Алекс был развязней меня. Он постоянно пялился ко мне в тетрадь, пытался заговорить, и поначалу я старался его игнорировать.

К сожалению, я не помню, что произошло дальше, но видимо то, что он познакомил меня с ещё одним чуваком – Данилой. Поскольку это было уже в конце года, перед каникулами, наша дружба не успела стать крепкой, и мы не натворили «чудес», но для себя я тогда отметил, что скоро всё может измениться. Эти двое не были похожи на остальных, было видно, что они из хороших семей, не плохо одеты, что у ребят тоже были интересы, которые опережали развитие остальных.

Тем временем, мой рассудок темнел вместе с цветом моих волос. Из светлого ангелочка, я превращался в неутомимого чертёнка. Я всё больше и больше доставал своих родных тем, что обижал брата, не слушался, постоянно шумел, и всё меньше хотел делать домашние задания. Единственное, что могло меня напугать, когда мама говорила, что сдаст меня в интернат – наивно даже для ребенка, но я постоянно верил ей. Наивность – это вообще мой минус, я никогда не мог понять того, почему при моем относительно здравом рассудке,

я такой наивный. Тем не менее жизнь шла отлично, я нашел друзей в школе, играл в футбольной команде, что конечно отнимало у меня кучу времени. Постепенно, как я ранее говорил, посиделок в гостях становилось меньше, все становились старше и серьезнее. Дедушка и бабушка старели, дяди и тети завели свои семьи, и у них появились свои дети, а отношения моих родителей стали заметно трещать по швам. Наступали очень серые времена.

Глава четвертая

Возможно Бен крупно ошибался, считая себя дитём, впитавшим всё хорошее и плохое в девяностых. Может быть он и правда ничтожество, но у него всегда хватало смелости признаться в этом. Только вот зачем? Откуда в нём было столько правдолюбия, желания не прятаться за спинами, смотреть на мир открытыми глазами, и не примыкать к стаду безрассудных и аморальных людей?

Бен и сам не скажет кто виноват. Кто виноват в том, что его внутренний мир обогатили слишком изощрённо ещё до того, как он сам начал в чём-то разбираться. Взрослые ли? Но они всего лишь старались сделать его счастливым, и справедливо будет расценить их попытки весьма успешными. Но благо ли это или горе, когда отмеренная уже в детстве доля счастья заканчивается, и начинается то, про что люди кажется всегда говорят так: «Это жизнь». Да, тут не поспоришь. Жизнь именно такова.

– Пока у семьи были деньги, никто ни в чём не нуждался. У нас уже давно были такие машины как Бентли, Мерседес и Порше – продолжил Бен. – Мы ездили заграницу, в том числе и в Штаты. Откуда привозили всегда такие вещи, которые в те времена в России не то, что купить, даже представить во сне не могли.

Однажды, дядя из Европы привёз мне машину с заряд-

ным аккумулятором. Это была сказка! Когда я ездил на ней по парку, другие дети рыдали от зависти и молили своих родителей достать им такую же. Чужим родителям ничего не оставалось как подходить к моему дедушке, и спрашивать где мы «такую» достали. Он всегда отвечал, что мы взяли её напрокат, что б не вызывать раздражения и зависть. Более наглые, даже напрашивались покататься. И насколько я помню, мне приходилось делиться. Но во мне никогда не было чувства жадности, и я спокойно мог разделить радость с другими ребятами. Уже потом, спустя два-три года, такие машинки появились в прокате за большие деньги, но купить их в России было по-прежнему нереально. Вот в чём отличие тех времен от нынешних.

Когда настал второй год моей учёбы в школе. С самого первого дня после каникул я общался с Данилой и Алексом, и уже тогда стало ясно, что как минимум этот год мы проведём весело. Это было началом становления нас как личностей. До школы я набирался всему чему только мог от людей постарше, но теперь, все что происходило в моей жизни, бралось именно от моих сверстников. Мы втроём вкладывали друг в друга своего задора. У меня парни набирались азарта и фишек, у Данилы ловкости и находчивости, а вот Алекс в отличии от нас, был чрезвычайно не по годам решителен и смел в общении. Функция быть скромным у него была выключена с рождения и представить ситуацию, в которой он бы застеснялся, просто невозможно.

Каждый из нас очень отличался от всех остальных, и когда мы воссоединили наши усилия, произошла мгновенная химия, которую можно было буквально увидеть или попробовать на вкус. Это было что-то очень существенное и сильное, гораздо более яркое и заметное, чем дружба или симпатия. Как будто три очень и без того и мощных энергетических потока, слились воедино, в результате чего появилась какая-то особая сила или даже стихия, которая подхватила нас, и несла вихрем куда глаза глядят. Стоит ли говорить, что у такого события, было очень много последствий.

Второй класс я не сильно помню, пожалуй только то, что у меня чуть хуже стали оценки, и то, что мы без устали кошмарили девочек, которые почему-то были все выше нас на голову. Мы их как только не дразнили, а потом убегали, и чаще всего у нас это получалось, но если они нас догоняли, то было больно, мы могли запросто поплатиться своими волосами или даже кровью. Девочки, по крайней мере наши, были очень мстительны и жестоки. Если уж они до нас добирались, то безжалостно выдёргивали волосы, царапали своими вонючими грязными, как сейчас помню ногтями, и это не считая того, что они могли двинуть тебе по голове или между ног. Мы конечно ничем подобным им ответить не могли, в силу нашего воспитания. Для нас это была всего лишь игра, в которую мы раз за разом возвращались, даже получив сполна болячек и синяков.

Когда же мы все немного повзрослели, и поняли, что с

девочками воевать не так уж и выгодно, то быстро обрели и среди них подруг. Главным же оставалось то, что наша троица была непобедимой. Скажу может быть самонадеянно, но между нами была совершенно уникальная «химия», которую я никогда ни у кого и нигде больше не видел. Мы были очень сплоченными, изобретательными, ловкими, шустрыми и бесстрашными. Наш симбиоз поставил школу на уши, и даже старшеклассники относились к нам с почтением. Неплохо так, для восьми-девяти лет! – заключил Бен.

Что было с ними дальше? Несложно догадаться. А было то, что они становились взрослее и изощреннее, меняли одни хулиганства на другие. Третий класс прошел на той же ноте, но единственное отличие состояло в том, что оценки у Бена в конец стали плохими. У него появилось пару троек, что весьма шокировало его классную учительницу, ведь она очень переживала за него. Бен ценил её за искренность и доброту. Он не обижался на неё из-за плохих оценок, потому что всё было по-честному и он это понимал.

В жизни вне школы футбол обретал для Бена всё большее значение, он как говорится, практически спал с мячом, и видел только одни сны – как выступает за «Манчестер Юнайтед» или «Милан». С семи лет, он уже играл за одну из лучших команд Москвы.

Его тренер был таким дедом старой закалки, который всех ненавидел. Он был не из кто угощал печеньем и раздавал комплименты. На добром слове его не поймаешь, но Бена он

сразу зауважал и выделил ему особое место в команде, хоть и орал на каждой тренировке. Помимо всего, что окружало Бена и делало его взрослее, футбол придавал ему такие качества как ответственность, смелость и трудолюбие. И хоть в душе он всегда был и будет ребёнком, его поведение всегда было явно старше своего возраста.

Что касается дел семьи, то они продолжали деградировать. Всё меньше становилось праздников, всё больше ссор и проблем. В общем, потихоньку уходила вся легкость жизни, к которой Бен так привык. Иначе говоря, начался осознанный период.

Бен хлебнул коктейль с ромом, что ему принесли, взял в ладонь пару оливок и спросил:

– А ты любишь футбол?

– Раньше смотрел чемпионаты мира, но болельщиком не был, – объяснил Арнольд.

– Меня всегда раздражало, что американцы называют его «соккер», а теперь, живя здесь, привык, хотя всё равно говорю «футбол», а не «соккер». И ещё я никогда не понимал, как можно не любить футбол!? Для меня это было главным в жизни, примерно до четырнадцати лет. Я не мог спать, если знал, что ночью идёт матч Лиги Чемпионов, и всячески упрашивал родителей разрешить мне посмотреть. Конечно они не разрешали, ведь рано утром надо было вставать в школу, но я находил способы тайком смотреть матчи.

– Даже не сомневаюсь. Судя по твоим словам, тебя сложно

было ограничивать.

– Ты себе не представляешь как, – Бен улыбкой дал понять, что оценил сие замечание. – Когда я пошел в пятый класс. Я сильно изменился и внешне, и морально.

– В России сколько лет учатся в школе? – неожиданно спросил Арнольд.

– Десять, или одиннадцать, зависит от школы. А почему ты спросил?

– Чтобы примерно представлять в каком возрасте ты был в пятом классе Бен.

– Мне было около десяти лет.

Арнольд кивнул и сказал:

– Продолжай.

– На каникулы я каждое лето ездил в загородный дом, и там всегда было чем заняться. Там я как бы перевоплощался и жил абсолютно иначе чем в Москве и был не таким как в школе или на футболе.

В тот год, во мне что-то начало меняться, но пока не кардинально. Я всегда был озорным парнем, который без устали доставал всех, но мои поступки были безобидными. Тем летом на даче, в меня будто бес вселился, мне вечно хотелось каких-нибудь безумных поступков. Вместе с друзьями и подругами, я поздно вечером ходил по заброшенным домам и бил там стекла. И что ты думаешь!? Эти козлы уже через час меня сдавали. Только я успею прийти домой, лечь спать, как какая-то мамаша или того хуже полицейский стучал в дверь,

и рассказывал моей бабушке о моих хулиганских похождениях. В те моменты я ругал всех тех, кто меня сдавал, но на следующий день, вновь выходил с ними гулять, и разбойничать. Наивная детская дружба. Бабушка рассказывала мне о морали и законах, о том что нельзя хулиганить, особенно у кого-то на глазах, так как если ты даже не причём, то тебя всё равно поймают и запишут в соучастники.

– Верный совет, – перебивает босс.

– И тем не менее прошли годы, пока я научился полноценно следовать её советам. Пожалуй самое ценное, – продолжает Бен, – это то, что она пыталась мне объяснить, что нельзя быть соучастником преступления. Если твои друзья хулиганят, а ты стоишь вместе с ними, хоть ничего не делая, то тебя заберут, или того хуже, скажут, что именно ты совершил этот разбой. Я никогда не был глупым, и всегда понимал чего мне хотят объяснить, но при этом я всегда твёрдо знал, что нужно мне. И увы, то что нужно было мне в те годы, это максимальное участие во всём весёлом, что творилось в доступной близости от меня.

Тем же летом, когда мне должно было исполниться десять лет – моя первая круглая дата, ко всем прочим бедам, у меня появилась ещё одна. Я притянул к себе чёрную полосу, очень длинную и жирную, которая на долгие годы стала моей спутницей. Что я имею в виду? Да то, что в месяце июне я играл в футбол, как обычно со старшими ребятами, так как был явно лучше своих сверстников. Все дворовые ребята снача-

ла пытались со мной соперничать, но быстро понимали, что я занимаюсь в профессиональной команде.

Когда я играл во дворах, то ради забавы и разнообразия, вставал на ворота, что кстати мне очень нравилось и хорошо получалось, но в тот день, лучше бы я играл себе как всегда в нападении. Один парень ударил по мячу так, что когда я подставил руку, моя кисть согнулась на девяносто градусов, а кость при этом хрустнула. До того момента я никогда себе ничего не ломал, но кто бы мог знать, что после этого случая, я буду бить рекорды по переломам.

В гипсе я проходил около трёх недель. На улице стояла жара, дети бегали, играли и купались, а я наблюдал за этим со стороны, считая дни. И когда мне всё-таки сняли его, я был на седьмом небе от счастья, но даже представить себе не мог, что ждало меня впереди.

Сняв гипс, я со всей энергией бросился на улицу, и стал играть во всё подряд. Это счастье продлилось всего два дня, когда поехав на футбол, я упал с велосипеда прямо на ржавую трубу, и насквозь распорол себе всю голень на левой ноге. Дядя и футбол научили меня мужеству, и я почти никогда не плакал, а если и шли слёзы из моих глаз, то по душевным причинам. Если тебя ужалили в ногу, то скачи на одной, а второй похлопывай – вот он мой девиз. С окровавленной ногой я еле доскакал до дома, и все кто видел меня по пути, с ужасом сжимали глаза, потому что рана была на голеностопе настолько открытой, что были видны все жилы и вся эта

биологическая живность. Вида на малейшую боль я не подал, да боли вроде и не было. Просто хлестала кровь из открытой раны, а я делал вид что всё отлично – такой храбрый дурачок, скакал на одной ноге и натягивал улыбку, хоть мне и казалось, что стопа сейчас отвалится. Меня вновь отвезли в больницу, наложили много швов, и мой больничный опыт обогатился. М-да, эту история я рассказывал всем, кто меня знал, – подытожил Бен.

Арнольд смотрел на него слегка удивлённо, пытаясь представить, как можно было себя так безалаберно вести.

– Ещё спустя два дня после падения с велосипеда, и ровно четыре после снятия гипса, я – неугомонный чёртик, снова пошёл играть, – продолжил Бен. – А без страсти я играть не мог, ведь мне всегда нужно было победить, и желательно красиво. Игра была в прятки, народу много, а места ещё больше. Я придумал отличный план чтобы спрятаться и успеть застучаться за себя. Это было невероятно! План сработал, и ещё как! Восторгу моих подруг и друзей не было предела. А я был на седьмом небе от счастья, гордый наивный паренёк. Естественно мне захотелось повторить этот трюк ещё раз, и для этого мне снова нужно было выбежать из-за кустов, перебежать дорогу, и максимально эффектно прыгнуть в яму, после которой можно было уже бежать к финишу. Известная истина, что в одну реку одинаково не войти, но в десять лет, я ещё не знал таких умных вещей.

Всё пошло как обычно, я поймал момент чтобы выбе-

жать, перебежал дорогу, и тут…, время кажется остановилось, уже в момент прыжка, я понял, что приземлюсь неудачно. Не знаю как, но в воздухе меня пронзило это предчувствие неминуемой боли, которая меня уже поджидала на земле. Я словно получил сигнал о том что будет удар, ещё до того, как упал. Внутри всё сжалось. Я разбился. Второй перелом той же руки, причём осознал я это сразу как ударился. Мои мысли были самые гнетущие. Я вспомнил как с трудом отходил три недели в гипсе, и мне стало тошно. Я пошёл домой, лёг на кровать, и начал рыдать.

Хоть боль и была невыносимой – куда больше чем в первый раз, но плакал я не от боли, а от досады. После первого перелома, врачи и родители мне строго настрого сказали, чтобы я вёл себя спокойно и берёг свою руку. В голове у меня начали крутиться мысли, как я буду оправдываться перед отцом за то, что вновь натворил. Меня отчитали по полной программе все кто только мог, называли диким, глупым и так далее, но что это меняло!? Мне пришлось ещё один месяц мучиться! И это было только начало.

– В тебе действительно жил бес, – произносит Арнольд, – та ещё история…

– Да только она ещё не закончилась. Когда спустя ещё три недели истёк срок ношения гипса, я пошёл ко врачам с отличным настроением. Они сначала осмотрели мою ногу, которая тоже была забинтована. Странное дело, за неделю до намеченного медицинского осмотра, моя стопа начала че-

саться так, что хотелось всю кожу содрать. Но самое печальное, что её сдирать не приходилось, она сама лезла и стала похожа на чешую. Только окинув её взглядом, врачи пришли в ужас. Когда они сказали, что у меня вся стопа загноена, и что дело может закончиться гангреной, мне и моему отцу, который был со мной, стало не по себе. А когда они сняли гипс на руке, и сделали контрольный снимок, их негодованию не было предела.

Они в срочном порядке отправили меня в детскую городскую больницу с ужаснейшими диагнозами: перелом и смещение кости левой руки, и нагноение левой стопы. Я никогда не лежал в больнице, и мне было страшно, я молил врачей о лечении на дому, но мне сказали что если не сделать операцию, то я могу лишиться своих конечностей, и они не врали. В том возрасте я не мог осознать насколько тяжелой была ситуация, тем более что у меня ничего не болело, но родители и врачи конечно понимали что дело было дрянь, и медлить было нельзя. А тем временем близилась моя первая круглая дата, и всё шло к тому, что отмечать своё десятилетие мне было суждено в больнице.

Первую ночь там, я тоже запомнил на долгие годы. Мы с отцом приехали около полуночи, меня осмотрел врач приёмного отделения и направил в палату. Я взял свои вещи и попрощался с отцом. Когда я зашёл в палату, там лежало человек десять, и один самый заводной парнишка рассказывал всем страшилки. Одну из них я даже примерно помню, она

была про круг сатаны или что-то вроде того, что если нарисовать круг, а в нём кровью написать три шестерки, то демон придёт и заберёт тебя в ад. Такая чушь! Но мне верилось во всё, что там творилось.

Первые дни я рыдал и днём и ночью, я сильно скучал по дому и друзьям. Я не мог привыкнуть к тому, что меня ограничивали. На день рождения, ко мне в больницу пришли отец и дядя, подарили ценные подарки. Этого хватило, чтобы утешить меня на каких-то пару часов, но после того как они уходили, я вновь начинал плакать. Наверное впервые в жизни у меня было время, чтобы что-то осмыслить. Из окон своей палаты, я смотрел на улицу и людей, которые там ходили. Я начал рассуждать на тему свободы и о том, что никогда уже не вернусь домой, после чего снова начинал реветь. Моему отчаянию не было предела.

Пошла уже вторая неделя лечения, а операцию так и не делали. Нога выздоравливала, а вот с рукой врачи так и не могли определиться. А ещё бы, сломать одну и ту же кость в течение одного месяца! И хоть к больничному быту я постепенно привыкал, но когда мои родные уходили после посещения, я всякий раз начинал плакать. Они носили мне фрукты и еду, у меня был телевизор и игровая приставка, но это никак не помогало мне отвлечься. К тому же медсестры и особенно дети, которые лежали со мной, постоянно завидовали моим гостинцам и пытались меня угнетать. Вот тогда, во мне проснулась не присущая мне раньше ярость.

Один ублюдок лежал со мной в палате, и постоянно приставал ко мне. Он был заметно постарше меня, и его не навещали родные и ничего не приносили, и видимо поэтому он решил вместе со мной ходить на встречи к моему папе и дяде. В один момент он меня уже настолько сильно достал, что я избил этого козла со всей жестокостью, которой набрался к десяти годам. Ребята по палате сразу зауважали меня, и больше никогда не приставали, к тому же выполняли все мои прихоти, носили всякие там развлекающие журналы и угощения прочие.

Более того, у нас в палате лежал парень с аппендицитом, на тот момент ему было лет шестнадцать, но для меня он выглядел на все двадцать пять. Я потом долго жалел, что не оставил никаких контактов для связи с ним. Отличный был пацан, мы с ним подружились, он брал меня с собой на прогулку, знакомил со своими друзьями, к тому же у него была коронная фраза, которую как выяснилось потом, он взял из рекламы жвачки, в общем весёлый был кент. Он помог мне вновь ощутить радость общения в коллективе, привнёс добра и юмора. Именно тогда я начал терять ощущение грусти. А того подонка я бил довольно часто, так как он всё равно лез ко мне до тех пор, пока медсёстры не перевели его в другую палату.

И всё же день операции близился. Меня предупреждали о том, что это будет тяжело, но в детстве тебе сложно аналитически представить картину хирургического вмешательства.

Мне сказали, что я засну и ничего не почувствую, на это я и настроился.

Рано утром, ко мне пришли врачи и медсёстры, сняли с меня одежду, положили на каталку и накрыли холодным покрывалом. Они везли меня по всей больнице, заходя из одного корпуса в другой, заводя меня в лифты, и мне это шло на руку. Я старался максимально оттянуть этот момент, хотя как оказалось, оттягивать было нечего. Когда меня привезли в операционную, я уже ничего не чувствовал – ни боли, ни страха, наверное по пути во мне выработалась очередная порция смелости, которая уже потом по жизни очень пригодилась мне. Я замер, мне сказали досчитать до пяти, и надели маску.

Один, два, три, четыре, пять…, и я проснулся в своей палате, с адскими криками: «Что случилось со мой»? – рука снова в гипсе, только в другом, ещё более сковавшим мои движения, и этого мне никто не говорил. Однако помимо шока от увиденного, ещё сильнее на меня действовала боль, непонятного происхождения, которая вибрировала по всему телу. Было ощущение, что мне по голове ударили чем-то тяжёлым, а после этого по телу пробежалось стадо быков. Чудовищное состояние!

На мои крики сразу пришли моя врач и медсестра. Я конечно сразу выкатил им претензии, что мол на такое я не соглашался, что с моей рукой не та хрень на которую я рассчитывал, и почему я себя чувствую так, как будто бы меня

вытащили из холодильника, который неделю летел со скалы, делая кульбиты. Они как могли, попытались меня успокоить, объяснив что я ощущаю последствия наркоза, и скоро это состояние пройдёт, а вот руке моей придётся ещё долгое время находится в гипсе, после чего будет длительный срок восстановления.

Однако главное что я хотел услышать, когда я вернусь домой. В течении всех этих недель я почти каждый день задавал этот вопрос врачам, медсёстрам, родителям и даже своим соседям по палате, и мне все и всегда отвечали, что «скоро, скоро». Это было так тяжело, ведь дни протекали очень мучительно и очень долго, всех ребят с кем я изначально лежал, уже давно выписали, а потом и выписали тех, кто после них попал ко мне, и всё это было бесконечно.

И вот наконец, после операции, в оглушённом и потерянном состоянии, я лежу и с надеждой смотрю на врача, которая просто обязана теперь мне обещать свободу. Я спрашиваю её, когда меня выпишут после этой операции, уже понимая, что её ответ вряд ли меня утешит, и тем не менее жду его, как самое заветное и желанное что есть в этой жизни у меня в этот момент. Она нежно улыбаясь смотрит на меня, и говорит: «Скоро, совсем скоро ты отправишься домой». Ты наверное уже понимаешь, что после этих слов, у меня в глазах потемнело, – произнёс Бен, обращаясь к Арнольду.

Арнольд едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Почему-то муки Бена в больнице его знатно повеселили.

– Прости, я понимаю что тебе было плохо, но рассказываешь ты забавно. Думаю, что на твоём месте, я бы после этих слов, вырвал все волосы на её голове.

– Да, наверное это было бы самое логичное, что следовало бы от меня ожидать. Но я не буду рассказывать историю о том, как поколотил гипсом своего лечащего врача, это было бы слишком! Нет, как ни странно, я воспринял её слова без драмы. Я уже был готов ко всему, и за это время, и даже за тот путь что я прошёл в тот день, от парня до наркоза и после, я как будто повзрослел. Я посмотрел на её светлое доброе лицо, и наконец по-настоящему поверил, что я действительно скоро вернусь домой. Пусть не завтра и не послезавтра, но довольно скоро, чтобы это больше так сильно не тревожило меня.

А потом подошёл дедушка – и это кстати был сюрприз. Он до этого не навещал меня, и я ждал кого угодно, но только не его. И его приход был как будто бы добрым знаком. Я почувствовал себя в безопасности.

Вскоре, при моём деде, врачи снова подошли и объяснили ему, что меня усыпили наркозом, и прооперировали руку. Операция шла около двух часов, и что всё прошло удачно. Я немного уже пришёл в себя, и с облегчением вздохнул. Нам сказали, что осталась всего одна неделя до выписки из больницы! Я радовался так, насколько позволяло мое самочувствие, даже несмотря на руку, замотанную в гипс формы неудачных работ из пластилина на уроках труда среди пер-

воклассников. Это была такая невзрачная кочерга, что назло не соорудишь.

– Назло не соорудишь, а на здоровье вышло, – сказал Арнольд. – Ну и что в итоге, выписали тебя?

– В итоге я пролежал не одну, а две с половиной недели, частенько думая о том, что уже никогда оттуда не выйду.

– Вот чёрт! – сокрушился босс.

– Да. В общем, случалось там ещё потом многое, в частности, к тому поддонку, который тоже лежал уже почти месяц, наконец пришла его мамаша, и он естественно нажаловался ей на меня.

– Это тот которого ты проучил?

– Да, он самый. Но мне было плевать, что она пришла меня отчитывать. Я по-моему показал ей средний палец и напоследок ещё раз двинул её сыночку! Его выписали раньше меня, и я этому даже обрадовался. Воздух словно очистился. К тому же, я знал, что неизбежно настанет и мой черед, а все остальное пусть катиться к чертям.

И вот пролежав суммарно больше четырех недель, я наконец дождался этого дня! Целый мать его месяц, прямо в разгар лета, когда все мои сверстники играют футбол, купаются и рискуют здоровьем в дворовых играх. Из больницы я вышел с гипсом, но со здоровой ногой, и с костью, которую вправили. Оставалось только ждать, чтобы она правильно срослась.

– Ну что ж Бен, надо сказать, истории у тебя увлекатель-

ные, ты оправдываешь мой интерес.

Бен укоризненно глянул на Арнольда в ответ и ничего не сказал. Нависла короткая тишина.

У Бена потом случались и более тяжелые периоды в жизни, и каждый раз почему-то в момент взлёта, когда он был полон сил, находился на подъеме энергии, когда у него всё получилась. Что же касается того проклятия с переломами, то он ещё несколько месяцев проходил курс реабилитации. Проведя почти всё лето в гипсе, рука буквально атрофировалась. Он мог пошевелить ни одним пальцем, не говоря уже о работе кисти. Примерно до зимы, то есть целую осень, он шаг за шагом, день за днём, скрупулёзно выполнял развивающие упражнения. Учился заново шевелить пальцами и кистью. Каждое, даже самое мизерное движение давалось с большим трудом. Прогресс шёл очень медленно. Первые несколько недель реабилитации, он даже не мог полноценно держать предметы в руке. Но именно в те моменты, когда у него получалось, хоть на несколько градусов больше сделать движение, покатить мячик или подгрести палку, на его глазах, буквально накатывали слёзы радости. И когда настал наконец тот день, когда он смог чёрт возьми, полностью взять в свою ладонь теннисный мячик, сжав его в кулак, он словно обрёл себя заново и как будто бы закрыл историю с детством. Впереди его ждали совсем другие времена.

– Больница научила меня терпению и жёсткости, – подытожил Бен. – Я потом осознал, что это был очень нужный

опыт.

– Да. С каждой твоей истории, моё детство кажется всё скучнее и скучнее, подытожил Арнольд.

– Прости, не хотел. Да, детство у меня было бодрым, но моя дальнейшая жизнь покажется тебе скучной, и можешь даже не переубеждать меня.

– Не скромничай мистер Бен, я уверен ты ещё не раз меня сегодня удивишь.

Бен хлебнул ещё пару глотков рома и продолжил рассказ:

– Когда настало время идти в пятый класс, я уже не зависел от своих друзей, и мне не нужно было ждать их одобрения или поддержки, когда предпринимал что-нибудь. Это горе-лето научило меня многому, сделало меня бесстрашнее. При всех плюсах моих друзей, к сожалению, за всю жизнь, у меня не было товарища, которого бы я не смог назвать неженкой. Все они в той или иной степени плакали от боли, боялись физических нагрузок или плохих условий. Я не супермен, и как и все чувствую боль и неприятные ощущения, страх и одиночество, но в отличие от многих, я научился терпеть.

Пятый класс перевернул представления обо мне у всей школы: учителей, учеников, да и у моих родителей. Я начал с места в карьер, а куда мне было деваться? Жизнь то безжалостна, и надо было в ней себя как-то ставить. Учителя начальных классов зарекомендовали меня как хорошиста, трудолюбивого и скромного ученика, но какого было удивления

моих новых педагогов, когда они увидели меня в деле. Сначала они думали, что я не приспособился к их предметам, но когда я начал срывать урок за уроком, подключая к своим деяниям весь класс, школа встала на уши. Правда сказать, Данила и Алекс не отставали, у нас был превосходный ансамбль, в котором каждый был личностью и лидером.

Каждую неделю мы гостили у директора, слушали нотации, а потом обещали, что больше так не будем, и снова начинали поджигать мусорные ведра в туалетах, бить стекла, срывать уроки, и доводить до увольнения учителей. Такой дерзости от нас никто не ожидал. Заглядывая в мой дневник, родители не могли понять, что со мной происходило, четвёрки и пятёрки к которым они привыкли, перекрасились красным цветом ручки на двойки, замечания и выговоры. Но, так как это был всего лишь пятый класс, никто нас не воспринимал в серьёз, сетуя на то, что мы всё ещё дети. Однако дети детьми, но таких хулиганств школа не видела давно, если вообще когда-либо видела.

Наш азарт в хулиганстве был немереным, на уроки мы шли только с одной целью – сорвать их. Правда было пару предметов, с очень сильными педагогами, которых до самого последнего класса, нам было сложно вывести из себя. Авторитет этих учителей был больше чем у самой директрисы. Однако нас это едва останавливало, к тому времени лично меня ненавидели все педагоги, некоторые из них, покинули школу кстати. Забегая вперед, могу сказать, что я и наша

банда, выперла из школы как минимум десять учителей. Они сначала пытались учить нас, потом отбиваться от нашего натиска, потом жаловались директору, и когда понимали, что всё это бесполезно – покидали школу. Класс нам был благодарен, но не всегда. Иногда мы вынуждали уйти весьма хороших учителей, но нам-то было всё равно, мы уже набрали такой ход, что не могли остановиться, и получали удовольствия от ощущения своей силы.

Внешкольные игры становились более взрослыми, но ничего не подумай, курение и алкоголь пришли к нам гораздо позже. Тут не могу не рассказать, как я лично довёл педагога до увольнения. Он был мужчина вполне ещё молодой и бравый, работал в школе много лет, и заслужил авторитет, особенно у старших классов. Но вот меня этот зубрила не впечатлил, хотя и Данила и Алекс тоже ничего не имели против него. В итоге я был единственным в классе, кто недоумевал в его присутствии, но одиночество – мой спутник жизни, и я один в поле воин. Для начала я придумал этому мужику громкую кличку, которую уже за день знала вся школа. Прозвище так звонко гремело, что даже старшеклассники, пытались выяснить, кто её придумал, и позже пришли ко мне выразить свое уважение. Во-вторых, я демонстративно делал вид, что не слушаю его указаний, и постоянно заговаривал с соседями по парте, кричал, и бросал записки прямо у него на глазах. В то время, он стал больше давать домашние задания и ставить плохие оценки, что привело к тому, что моих

сторонников стало больше, и главными из них, были конечно же мои друзья.

В итоге он отучил нас года три, когда в седьмом классе, меня уже очень сильно достал. Несмотря на то, что в шестом классе, за итоговый экзамен, он поставил мне четвёрку, чем сильно удивил, ведь уже тогда он знал о моей неприязни к нему. Но я принял это как должное, так как готовился к экзамену очень серьезно, и знал почти все билеты по его предмету. Однако в следующем классе, этот говнюк уже в первом полугодии поставил мне два балла. Этим он подписал себе приговор. Я наплевал на всю скромность, и уже в наглую, на уроке во весь голос называл его не по имени, а по кличке, которую ни он, ни я не забудем. Он уже не мог повлиять на меня плохими оценками или замечаниями, так как это только усугубляло наш конфликт, и я становился ещё злее и не сдержаннее, поэтому он видимо готовил для меня нечто большее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.